

Фридрих фон Визер. Теория общественного хозяйства

Предельная полезность в изолированном хозяйстве и основной закон экономического исчисления полезностей

Понятие предельной полезности. Ее роль в плане ведения хозяйства. Альтернативная и кумулятивная предельная полезность, совокупная полезность. Предельный закон. Закон запаса, закон потребности. Исчисление полезностей при бесплатных товарах.

Предельная полезность в идеализированном производстве

Предельная полезность продуктов и производительных средств. Кумулятивное исчисление предельной полезности в производстве.

Закон производственных издержек простого хозяйства

Обыденное словоупотребление и научное понятие производственных издержек.

Собственная полезность и полезность издержек. закон производственных издержек и основной закон исчисления полезности. Взаимосвязанные производственные издержки. Качественные продукты.

Изменение издержек и исчисление полезности

Преходящие нарушения производства. Случаи уменьшения издержек. Технический прогресс и закон запаса. Случаи увеличения издержек. Снижение плодородия почвы и возрастание промыслового дохода. Закон воспроизводственных издержек. Закон наивысших издержек.

Проблема вменения дохода

Комплементарность производительных средств. Созидательная сила труда и "продукт труда". Распределение дохода и деление личных доходов. Отношение правовой и экономической форм вменения к причинно-следственной связи. Изменчивость производительных связей. Попытка решения, предпринятая Менгером. Окончательная постановка проблемы.

Общее и специфическое вменение дохода

Предельные общие продукты с предельными издержками, общие продукты с низкой границей удовлетворения потребности, специфические продукты. Специфический доход. Степень интенсивности и специфическое вменение применительно к земле и к специфическим средствам производства.

Экономический расчет полезности

Величина потребности как неисчисляемая величина ее интенсивности. Предельная полезность как единица счета в экономике. Расчет издержек, единицы издержек, единицы полезности. Расчет полезности для специфических продуктов. Расчет полезности при нарушениях и изменениях в экономике. Антиномия расчета полезности.

Частная организация хозяйства на пороге капиталистической эпохи

Частная собственность и смысл экономики. Борьба за владение. Историческое развитие частной организации хозяйства. Общественный характер частного хозяйства. Неравенство в распределении. Дополнение права системой благотворительности. Частное право наследования. Эпигоны классиков.

Капиталистическое господство в современном народном хозяйстве

Смысл и бессмыслица экономической власти. Юридическая и действительная свобода.

Антиномия меновой ценности Прудона. Учение о прибавочной стоимости Карла Маркса.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Предельная полезность в изолированном хозяйстве и основной закон экономического исчисления полезностей

Мы переходим теперь от теории хозяйства к теории ценности, изложением которой мы будем заниматься до конца этого раздела... Как уже подчеркивалось ранее, вся классическая теория и значительная часть современной теории ценности стремились объяснить феномен меновой ценности; мы, напротив, следуя австрийской школе, хотим вывести законы ценности в их наиболее общем виде. С этой точки зрения последующее изложение призвано показать, что законы ценности в конечном счете являются законами исчисления полезности, которым необходимо следовать при любом экономическом порядке, поскольку соотношение между потребностью в продукте и его наличием (*wirtschaftliches Mengenverhältnis*) ставит людей перед необходимостью учитывать полезность. Только в заключение мы обратимся к самому понятию ценности.

Карл Маркс [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84] утверждает, что меновая ценность "превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф", он выводит из меновой ценности "фетишистский характер", "мистический характер" товара, который становится "чувственно-сверхчувственной" вещью. Он также полагает, что эта "таинственность товарной формы", этот "мистицизм товарного мира" должны были исчезнуть в хозяйстве Робинзона, в котором нет никакого обмена и никакой меновой ценности, и что точно так же они должны исчезнуть в общественной экономике, которая представляла бы собой "союз свободных людей". "Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство", были бы "просты и прозрачны", и точно так же в хозяйстве союза свободных людей, - или, употребляя наше выражение, в простом хозяйстве народа, - "общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда" были бы "прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении".

Карл Маркс, высказывая это мнение, сильно заблуждался. Хозяйство Робинзона и хозяйство свободного социалистического государства будущего ни в коей мере не становятся прозрачно ясными из-за того, что отсутствуют обмен и меновая стоимость, но как первое, так и второе таит в себе одну и ту же проблему, которая углубляет подлинные трудности теории ценности в экономике. Это проблема экономического исчисления полезности. Классическая теория, как и вообще предшествующие теории, не замечала существования этой проблемы, лишь в единичных случаях встречаются наблюдения и соображения, которые слегка касались ее. По существу подразумевалось, - в полном соответствии с представлением, которое было выражено Марксом, - что требование экономического принципа стремиться к наивысшей полезности сделает его реализацию "прозрачно ясной", и поэтому не считалось необходимым что-либо говорить о том, как в практической экономике

исчисляется полезность. В то время когда бесконечные усилия были направлены на то, чтобы найти законы ценности и цены, совершенно проглядели тот факт, что в практической экономике действуют законы исчисления полезности, которые представляют собой основу законов ценности и цены и без знания которых последние никоим образом не могут быть объяснены. Каждый расчет по меновой ценности есть в своей основе расчет полезности и лишь в качестве такового может быть понят. Если законы исчисления полезности однажды объяснены, то объяснение законов ценности и цены уже не представляет слишком больших трудностей; если однажды раскрыта тайна экономики Робинзона, тайна отдельного хозяйства, то тогда не будет больше ничего таинственного и в товаре, который переходит от одного отдельного хозяйства к другому. Напротив, сами законы исчисления полезности в той форме, в которой каждый человек реализует их для себя самого, являются темными и весьма труднодоступными для теоретического осмысления, так как их движущие мотивы проистекают из таинственнейших глубин человеческих желаний. Помещенный в сложившуюся среду экономической жизни, каждый из нас находит в себе эти мотивы, инициированные имеющимися фактами, и, ежедневно практикуясь, учится следовать им соответствующим образом. Но как только от того же самого человека, который на практике действовал правильно, требуют теоретического объяснения его действий, перед ним возникает задача, к решению которой он совершенно не подготовлен своим практическим опытом. Ведь для этого он должен суметь вызвать в своем воображении точно и без существенных пробелов ту среду, внутри которой он вращается с достаточной сноровкой, он должен оживить свои желания, не возбуждая их в действительности, а при решении этих задач его сбивают с толку различные заблуждения. Одно дело - действовать разумно, и нечто иное - познать себя самого и свое окружение как бы извне. В этом противоположении и лежит трудность или, если хотите, заключена тайна всех экономических теорий, иначе о какой-либо тайне, присущей товару как таковому, о каком-либо мистицизме товарного мира не может быть и речи.

Чтобы раскрыть тайну законов исчисления полезности, теория должна самым тщательным образом использовать методологические приемы идеализации и изоляции. С этой точки зрения мы хотим взять изолированное хозяйство, которое идеализировано до такой степени упрощения, что внимание к полезности может проявляться в нем в чистом виде, тогда как всякое влияние, которое могло бы сказываться со стороны труда или производства вообще, а также обмена, исключено. В хозяйстве, которое мы хотим рассмотреть, должны иметься в наличии используемые предметы потребления, при этом остается в стороне вопрос о том, каким образом они получены, и поэтому не учитывается, что отношения в процессе их создания могли оказать какое-либо влияние на механизм хозяйствования. В качестве примера нам могло бы послужить ведение хозяйства, которое должна организовать команда корабля в открытом море - это хозяйство основывалось бы на учете взятой на борт питьевой воды в условиях, когда ее количество вследствие какой-либо случайности стало бы крайне ограниченным. Важнейшей обязанностью, которая должна проявляться в этом случае, становится хорошо продуманный отбор тех возможных вариантов употребления воды, которые могут допускаться. Многие варианты употребления воды, которые в то время, когда запасы воды были богаче, считались разрешенными, теперь не разрешаются; если до сих пор можно было употреблять воду скажем, для того, чтобы поить находящихся на борту животных или для использования на кухне, или для стирки, то сейчас она, видимо, будет употребляться только для питья. Для каждого допустимого варианта употребления воды по хозяйственному плану отмеряются порции, определяемые на каждый день. Главной идеей этого плана должно быть обеспечение наивысшей пользы, которая вообще может быть достигнута. При условии что последовательность потребностей полностью соответствует всем

допустимым случаям употребления воды, порции должны отмеряться таким образом, что удовлетворение потребности каждого вида прерывается как раз в предельной точке насыщения; при условии что последовательность потребностей развивается неравномерно, их удовлетворение хотя и должно прерываться в различных предельных точках, однако нельзя использовать какую-либо порцию для удовлетворения потребности меньшей интенсивности, пока с ее помощью в другом месте еще можно обеспечить удовлетворение потребности большей интенсивности. Такие потребности, высшие точки которых вообще не достигают верхних допустимых границ удовлетворения потребности, нужно полностью исключить.

Современная теория определяет ту степень полезности, при которой может прерваться насыщение, как предельную полезность. Мерой предельной полезности становится наименьшая величина из важнейших случаев использования блага, которые могут быть обеспечены наличными запасами, если предполагаются максимальное использование запасов и тщательная градация потребностей. Она (предельная полезность. - Прим.пер..) является наименьшей частичной полезностью, для которой еще можно эффективно использовать единицу запаса. Все случаи использования блага, которые по важности стоят ниже ее, запрещены - они не могут реализоваться, так как в противном случае возникнут убытки; все варианты использования, более важные или равные ей по важности, разрешены - они могут и даже должны реализоваться, иначе не будет получена максимальная польза, которую можно извлечь.

Для тех элементов запаса, которые предназначены для использования сверх уровня предельной полезности, последняя также имеет определенное значение. Примем вначале, что на борту корабля имеется десять тонн воды и что одна тонна из них держится в особой готовности на случай чрезвычайного бедствия на лодке, на которой команда рассчитывает спастись, если корабль будет обречен. Эта тонна предназначена для важнейшего случая употребления воды, однако все же от нее зависит только предельная полезность: до тех пор пока корабль не затонул, она может замещаться другими тоннами воды из всего запаса. Примем, что именно эта тонна воды вылилась вследствие какой-либо случайности; тогда на лодку будет доставлена другая тонна воды, чтобы держать ее там в готовности на случай чрезвычайного бедствия, а урон, который понесла команда в результате потери этой тонны, будет ограничиваться предельной полезностью. То же будет наблюдаться, если разольется какая-либо иная из имеющихся десяти тонн; на каждую из них, поскольку сохраняется в наличии остальной запас и речь идет только об одной этой тонне, приходится только предельная полезность. Независимо от того, для какого полезного эффекта предназначены по изначальному распределению конкретные элементы запаса, с отдельным элементом, поскольку он один принимается во внимание, всегда связана только предельная полезность.

Допущение случайного убытка, которое мы только что включили в наш пример, наилучшим образом помогает сделать очевидным различие между реализованной полезностью и возможной полезностью, зависящей от определенных условий. Регулярный план хозяйства ни в коей мере не подогнан к этому допущению, случайный убыток скорее является нарушением плана, который исходит из ожидания, что все варианты использования блага могут осуществляться таким образом, как это и предусматривалось первоначальным распределением. Если мы хотим уловить смысл практической экономики, то необходимо теоретически допустить не подверженный нарушениям планомерный процесс; тот факт, что его может нарушить случайный убыток, мы должны полностью оставить в стороне. Нам следует принимать во внимание, на что направлены экономические замыслы при ведении хозяйства, а также хорошенько вникнуть в окружающую действительность, из которой исходит экономический план. Прежде всего мы должны выяснить соотношение между ведением

хозяйства и потреблением. Теория, смешивающая ведение хозяйства и потребление, будет абсолютно не в состоянии верно объяснить смысл хозяйствования и связанных с ним правил расчетов. Как мы уже обсудили подробно ранее, экономическая обязанность при использовании средств хозяйства состоит в том, чтобы, несмотря на соблазны потребления, которые исходят из текущих желаний, относиться к этим средствам бережно, дабы обеспечить наибольшую выгоду в целом и надолго. План ведения хозяйства, который стремится следовать этой обязанности, может вообще допустить только такие случаи использования средств, которые не опускаются ниже уровня предельной полезности, и в соответствии с этой обязанностью при расчете плана должны учитываться все без исключения элементы запаса, предназначенного для потребления, в соответствии с предельной полезностью: как те из них, которые просто обеспечивают предельную полезность, так и другие, которые обеспечивают удовлетворение потребностей, стоящих на шкале потребностей выше, чем предельная полезность вплоть до наивысшей степени желания.

В том, что эти правила исчисления действительно выполняются хозяйствующими потребителями, отчетливее всего можно убедиться, наблюдая, как потребители оценивают (komputieren) блага, покупаемые для своего хозяйства; в цифрах цен, которые их удовлетворяют, даваемые ими оценки получают ясно измеримое выражение. Ежедневно повторяемый опыт в миллионах и миллионах случаев доказывает, что потребители оценивают все единицы запаса, которые они покупают, по предельной полезности; они оплачивают и оценивают все единицы запаса одинаково высоко, но не выше предельной полезности; заплатить более высокую за какую-либо единицу означало бы совершить бесхозяйственный поступок, было бы лучше отказаться от покупки этой единицы. Такие расчеты делает не только опытный коммерсант, но и любой человек без исключения, даже жена пролетария, например, производит такие расчеты, когда она заранее покупает хлеб на неделю для своей семьи. Ей никогда не может прийти в голову оценить один кусок дороже другого, ей никогда не может прийти в голову заплатить за один кусок больше, чем будет оценка той пользы, которую она получит в результате его приобретения. Она рассчитывает ценность продуктов питания, необходимых для обеспечения жизни ее близким, не сверяясь, однако, со всей едва ли измеримой величиной услуги по поддержанию жизни, которую она ожидает от них; напротив, она оценивает каждую единицу, руководствуясь гораздо меньшим масштабом предельной полезности.

Утверждение, что все без исключения единицы запаса оцениваются на основе предельной полезности, кажется парадоксальным, оно оспаривается большинством даже тех теоретиков, которые в остальном присоединились к учению о предельной полезности. Возражают, что при этом смешивается альтернативное и кумулятивное исчисление. Так же как командир отряда может выбрать любого солдата, какого пожелает, и поставить его на место флангового, но никогда не может сделать фланговыми всех солдат одновременно, так и хозяйствующий человек может выбрать для предельного использования любую часть запаса из нескольких возможных, но все же никогда не сможет одновременно использовать для этих целей все части. Но каким образом теория, позволяющая закону предельной полезности действовать только альтернативно, может объяснить поведение жены рабочего, которая при покупке одинаково высоко оценивает все куски хлеба без исключения и которая тем самым делает то же, что всегда делал и всегда будет делать каждый покупатель на свободном рынке? Ограничивающая себя таким образом теория предельной полезности со своими объяснениями не выходит за рамки случайного убытка, она не высказывает ничего нового для закономерного процесса экономики и с самого начала отказывается от обоснования элементарных фактов ценообразования. Кто не соглашается с тем, что предельная полезность действует кумулятивно для всех единиц запаса, тот лишает учение о предельной полезности важнейшей возможности

ее применения.

Развязка парадокса очень проста. Утверждение, что все единицы запаса оцениваются кумулятивно на основе предельной полезности, тотчас же теряет видимость парадокса, как только оно истолковывается с позиций хозяйствующего человека. Теоретик не должен стремиться вложить в это толкование больше, чем это делает практическая жизнь. Жена рабочего, которая закупает необходимое для семьи количество хлеба, по-своему узнает, что она точно выполняет требования экономичности, если одинаково высоко оценивает все куски хлеба, и действия ее тогда не бессмысленны; и если в формуле, которой теоретик определяет ее действия, проявляется видимость бессмыслицы, то это вина теоретика, поскольку он не нашел ясного выражения для осмысленности действий. Поскольку все единицы запаса в хозяйстве оцениваются исключительно по предельной полезности, постольку полностью достигнута максимально возможная польза. Предельная полезность должна фиксироваться кумулятивно для всех элементов, чтобы не допустить такого положения, когда экономически установленная граница использования некоего ресурса не будет достигаться в той или иной точке, ибо совершенно недостаточно желания предотвратить неполное использование ресурса только для последнего элемента запаса, для "флангового элемента". Видимость парадокса вообще возникает только для тех, кто в настоящее время не понимает, какое значение для потребления имеет исчисление полезности; повторим еще раз, что оно ни в малейшей степени не предназначено для мотивации потребления как такового, ибо непосредственным мотивом для последнего является желание; однако на это исчисление возлагается задача предварительного контроля, который сопровождает потребление и отклоняет те желания, которые выходят за допустимую границу удовлетворения потребности. Оно в полной мере соблюдает границу удовлетворения потребностей, соблюдая в полной мере предельную полезность.

Оценка по предельной полезности происходит только при делимых запасах, т. е. при таких запасах, которые состоят из однородных единиц (штук, частей), которыми можно распоряжаться по отдельности; напротив, оно не происходит при целостных вещах или иных совокупностях, образующих неделимое целое либо по своим естественным свойствам, либо по воле того, кто желает ими распоряжаться. Одним из примеров могла бы быть, скажем, защитная дамба, которая защищает остров от моря и которая только тогда выполняет свою функцию, когда на всем ее протяжении нет разрывов; второй пример относится к ситуации, когда монополист-продавец заявляет, что продаст свой запас только целиком, и покупатель поставлен перед необходимостью или покупать все, или не получить ничего. От целостной вещи всегда зависит общая польза, которая должна реализоваться через эту вещь. От целостности защитной дамбы зависит совокупная польза, которую должны принести жителям острова хранящиеся здесь запасы и разнообразные экономические блага; шторм и наводнение, разрушающие дамбу и уничтожающие собранные запасы урожая, уничтожат общую пользу, которую можно было получить от этих запасов урожая - начиная от поддержания жизни и кончая достижением максимально высокой точки насыщения потребностей едва ли, впрочем, принимаемое во внимание в условиях, когда опасности подвергаются высшие жизненные ценности. Между тем при спокойном течении хозяйственной жизни запасами урожая распоряжаются как делимыми запасами, и план их использования должен быть составлен тем точнее, чем больше он вдается в частности и организует это использование вплоть до мельчайших долей. При этом план хозяйства, разумеется, никогда не должен упускать из виду, насколько велик запас в целом; план хозяйства после получения богатого урожая должен составляться иначе, чем после неурожая. Как правило, предметом распоряжения являются доли ресурса в рамках всего запаса; запасы существуют как делимые совокупности, которыми необходимо распоряжаться по отдельности в многочисленных

одновременных и последовательных актах, осуществляемых, однако, с учетом их взаимного тщательно взвешенного соотношения. Так же как и в случае с запасами вещественных товаров, вопрос об имеющемся количестве личных услуг решается в хозяйственном плане по отдельности в соответствии с общими условиями. Объем услуг является делимым, и все, что можно сказать о делимых запасах, применимо также и к нему, не считая, конечно, тех ограничений, которые следовало бы сделать, принимая во внимание личный характер услуг. Если в дальнейшем речь будет идти о запасах, то в них всегда включаются и имеющиеся объемы личных услуг, поскольку не будет определено высказано нечто иное.

В теории простого хозяйства мы не учитываем соотношения целостных предметов и иных экономических целостностей; вряд ли оно заслуживает анализа при нормальном течении частнопредпринимательского экономического процесса. Только позже, когда в теории народного хозяйства мы дойдем до монопольных явлений, и еще в большей степени - в теории государственного хозяйства, мы должны будем о них поговорить. Мы сможем показать, что во многочисленных случаях определение ценности с позиций государственного хозяйства отличается от такового с частнопредпринимательских позиций тем, что первое согласуется с полной совокупной пользой там, где последнее учитывает предельную полезность. Для дальнейшего исследования экономического исчисления полезности предположим вполне типичные отношения частного хозяйства, которое имеет дело с делимыми запасами. Выводимые нами правила суть правила типичного частного долевого исчисления.

При этих условиях основной закон исчисления пользы гласит, что все единицы запаса (части, штуки) оцениваются соразмерно предельной полезности. Этот закон мы будем называть законом предельной полезности, или, еще короче, предельным законом.

Из предельного закона вытекает следствие, что каждый делимый запас экономически оценивается путем умножения предельной полезности на количество единиц запаса (частей, штук). Если запас состоит из десяти единиц и каждая оценивается по предельной полезности в размере n , то все вместе они оцениваются по предельной полезности в размере $10n$. Это не новый закон, а только другая формулировка предельного закона, важность которой обусловлена тем, что она дает ключ к пониманию повсеместно осуществляемого на практике экономического расчета. Мы еще остановимся на ней подробнее при заключительном объяснении экономического расчета.

Предельный закон образует основу для всех других законов экономического исчисления пользы. Для случая изолированного хозяйства заслуживают внимания два из этих законов, которые должны действовать, когда происходят изменения величины запаса или потребности. Мы будем называть их законом запаса и законом потребности.

Начнем с закона запаса. Если при сохраняющейся потребности запас возрастает, то исчисленная предельная полезность должна уменьшаться; если в рассмотренном нами выше примере в замкнутом пространстве корабля найдется дополнительное количество тонн питьевой воды, то ежедневное потребление воды может быть распространено и на те варианты ее использования, которые прежде не допускались. Если при сохраняющейся потребности запас уменьшается, например какое-то количество тонн воды окажется потерянным, то, наоборот, исчисленная предельная полезность возрастет, а варианты использования воды, которые до сих пор допускались, с этого момента должны быть исключены. В противоположность этому исчисленная предельная полезность остается неизменной, если сокращение запаса обусловлено только нормальным регулярным потреблением в целях удовлетворения потребности, так как в этом случае вместе с уменьшением ресурса уменьшается и требующая удовлетворения потребность. Если запас состоит из 10 тонн воды и плавание

рассчитано на 10 дней с ежедневным потреблением одной тонны, то в первый день одна из имеющихся десяти тонн оценивается точно так же, как на второй день оценивается одна из имеющихся девяти тонн и как оценивается последняя десятая тонна на десятый день; и если затем корабль, прибывший в порт, будет снабжен новыми запасами в том же соотношении, то предельная полезность по-прежнему остается неизменной. Хозяйство, которое месяц за месяцем должно рассчитывать на постоянные доходы и постоянные потребности, в условиях нормального поступательного развития должно производить оценки по неизменной предельной полезности; в первый день месяца, когда хозяйство получает свой доход и стоит перед необходимостью в течение месяца удовлетворять определенные потребности, она не может исчислять предельную полезность иначе, чем в последний день, когда будет использован остаток дохода, предназначенный для удовлетворения потребности в последний день. Это не исключение из закона запаса, так как закон запаса относится только к такому случаю, когда запас изменяется при сохраняющейся потребности, а это значит, что в случае сохраняющейся потребности исчисленная предельная полезность изменяется в направлении, противоположном движению запаса.

Закон запаса корреспондируется с давно известным из рыночного опыта законом, в соответствии с которым цена изменяется в противоположном направлении к изменению предложения. Закон запаса, с одной стороны, дает теоретическую основу для объяснения закона предложения, а с другой - через этот последний закон эмпирически подтверждается. Но не значит ли это, что и предельный закон, из которого вытекает закон запаса, а также и теория предельной полезности вообще находят здесь свое эмпирическое подтверждение? Мы тем более должны это подчеркнуть, поскольку предыдущие варианты изложения теории полезности абстрагировались именно от какого бы то ни было рыночного опыта. Теория полезности в своих основных пунктах исходила из реализованной совокупной пользы или из полезности, и поэтому для нее было невозможно сделать понятным рыночный опыт исчисления полезности - меньшей при богатом урожае и большей при скудном. Теория предельной полезности, которая полагает, что предметом экономического оценивания является элемент запаса и решающая для него величина предельной полезности, снимает все проблемы, так как исчисленная предельная полезность единицы урожая должна снижаться, если урожай оказался лучше, и должна повышаться, если урожай оказался хуже. Иногда опыт демонстрирует случаи, когда возрастание запаса сопровождается уменьшением не только исчисленной предельной полезности элемента, но и производство предельной полезности и числа отдельных элементов становится меньше: может, например, случиться так, что для более богатого урожая это производство меньше, чем для более скудного урожая, однако мы можем логически последовательно объяснить и такие случаи, которые для предшествующей теории полезности, как сказал один из ее ревностных представителей, были *stich veru* (истинным испытанием - Прим.пер.). Здесь имеется в виду именно тот случай, когда в связи с изменением шкалы потребностей предельная полезность элемента могла бы уменьшаться еще быстрее, чем увеличивается количество элементов.

Что касается закона надобности (*Bedarf*), или изменений исчисленной предельной полезности, которая при том же запасе обуславливается изменениями со стороны потребности (*Bedurfnis*), то объяснение не представляет каких-либо новых трудностей. Эти изменения всегда происходят точно так же, как и изменения надобности: исчисленная предельная полезность растет или падает вместе с величиной надобности. Надобность в данном случае нельзя отождествлять с общей надобностью, т. е. с тем количеством средств, которое необходимо для полного покрытия потребности, но, напротив, она понимается в узком значении слова, а

именно как так называемая эффективная надобность, т. е. такая, которая вообще может быть покрыта имеющимся в наличии запасом. Только изменения эффективной надобности оказывают влияние на величину исчисляемой предельной полезности; изменения, связанные с любыми изменениями потребностей, которые не допускают удовлетворения, не имеют никакого значения. Если в рассматриваемом нами в качестве примера случае запас воды на корабле стал бы настолько мал, что выдаваемую команде для питья воду пришлось бы ограничить чрезвычайно малой дозой, тогда как все прочие варианты использования воды должны были бы оставаться исключенными, то для исчисления полезности совершенно все равно, какие изменения произошли в потребности в рамках исключенных вариантов использования воды.

В одном часто цитируемом положении своего исследования о богатстве народов Адам Смит доказывает, что полезностная ценность и меновая ценность должны быть четко отделены друг от друга. Вещи наивысшей полезностной ценности часто не имеют никакой или имеют крайне низкую меновую ценность, и наоборот, вещи с высокой меновой ценностью часто имеют крайне низкую полезностную ценность; нет ничего более полезного, чем вода, но она едва ли имеет какую-либо покупательную способность, вряд ли в процессе обмена за нее можно было бы что-нибудь получить; напротив, алмаз едва ли имеет какую-либо полезностную ценность, но в процессе обмена за него обычно можно получить большое количество других товаров. Эти соображения стали для Адама Смита решающими чтобы совершить поворот от теории полезности к трудовой теории [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. IV]. Но не принял бы он иное решение, если бы познакомился с основным законом экономического исчисления полезности? Там, где вода представляет собой бесплатное благо, - этот случаи Адам Смит берет в качестве предпосылки, - ее полезность не может быть исчислена экономически, так как наблюдается такое изобилие бесплатных благ, при котором ничто не вынуждает прервать их потребление по экономическим причинам, их использование не может быть ограничено в силу экономической предусмотрительности. Они не имеют никакой предельной полезности, потому что любая частичная полезность, какую бы только ни пожелали, может быть получена. Имеющиеся запасы алмазов малы; алмазы как таковые вообще редки, и поэтому закону экономического исчисления полезности в полной мере соответствует то, что для них исчисляется относительно высокая предельная полезность, которая может оказаться намного выше, чем таковая, исчисленная, например, для продуктов питания, в случае если последние имеются в очень большом количестве. Правда, различие, которое, как правило, существует между ценами на алмазы и продукты питания, одним только этим еще не объясняется в полной мере; для полного объяснения следовало бы взять и другие факты рынка, которые мы еще не могли подробно рассмотреть; но все-таки уже здесь мы можем сказать, что нельзя исключать полного объяснения для высокой цены алмазов исходя из теории полезности, тогда как, разумеется, исключено, что какая-либо теория, незнакомая с основным законом экономического исчисления полезности, действующим для простого хозяйства отдельной личности, была бы в состоянии объяснить цены на алмазы, да и вообще какие-либо цены, поскольку все цены без исключения строятся на индивидуальном исчислении полезности со стороны спроса.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Предельная полезность в идеализированном производстве

Мы хотим установить наши допущения таким образом, чтобы они упростили производство до максимально возможной степени идеализации. Примем, что необходимые для производства работники имеются в избытке и они готовы созидать без усталости с радостным наслаждением, а также примем, что человеческий труд, таким образом, ни в смысле продолжительности, ни в смысле тяжести не должен тем или иным способом экономиться; далее, примем, что из вещественных средств труда используется только один рабочий материал - железо. Пусть имеется запас из тысячи единиц, из которого можно изготовить десяток видов различных железных продуктов, к тому же совершенно простым способом, при котором для изготовления одной единицы продукта требуется как раз одна единица железа. Наконец, для всех десяти разнообразных потребностей, которые могут быть удовлетворены десятью видами продуктов, должна существовать абсолютно одинаковая шкала потребности. Как же должен быть составлен производственный план, который при данных допущениях в целом обеспечивает наивысшую полезность?

При таком положении вещей было бы, конечно, ошибочно предназначить всю тысячу единиц материала производству одного-единственного изделия, да и вообще обеспечить одно производство щедрее, чем другое. Положим, что прирост пользы, которую приносит сотый продукт, будет равен 10, тогда прирост пользы, которую можно было бы получить, произведя дополнительный продукт данного вида сверх имеющихся 100, должен быть, по закону Госсена, меньше 10, но упущение пользы вследствие того, что теперь вместо 100 продуктов другого вида может быть изготовлено только 99 продуктов, должно быть больше, чем 10. Чем в большей мере проявляется стремление расширить одно производство за счет других, тем меньше окажется получаемый в нем прирост пользы и тем больше - вызванное этим расширением упущение пользы в других производствах, следовательно, тем меньше будет получаемая польза в целом. Наивысшую пользу в целом можно получить, если имеющуюся 1000 элементов железа равномерно распределить на все 10 видов производства и тем самым снабдить каждую из 10 частей соответственно сотней единиц. Другими словами, наилучший производственный план обеспечивается тогда, когда происходит исчисление по предельной полезности и в каждой части производство прерывается, как только предельная полезность достигает отметки 10.

Контрольный экономический расчет, на который опирается производственный план, будет неполным, если он ограничится объемами продуктов и не распространится на объем производительных запасов. Производительный запас держится с целью его последующего воплощения в продуктах, которые и должны обеспечить прирост пользы, но в то же время каждый акт оборота уменьшает величину производительного запаса и обуславливает тем самым упущение пользы. Будучи экономически предусмотрительным, нужно считаться с обоими последствиями, необходимо учитывать прирост пользы, который обеспечивается изготовлением продуктов, и учитывать упущение пользы, связанное с употреблением производительных средств. В этом смысле контрольный экономический расчет, если будет позволено такое выражение, ведется как двойная бухгалтерия: он рассчитывает прирост пользы по линии продуктов и упущение пользы по линии производительных средств. Как по первой, так и по второй линии исчисление ведется по предельной полезности. В нашем примере предельная полезность единицы железа составляет 10, и поэтому

недопустимо какое-либо техническое применение железа, которое не замещает упущение пользы, вызванное потреблением единицы железа и равное 10, приростом продукта, предельная полезность которого по меньшей мере равна 10. Совершенно недостаточно, если производитель узнает только, что железо само по себе полезно, поскольку дает возможность получать полезные продукты; производитель должен также выяснить величину полезности, которую обеспечивает ему при данных условиях владение железом, и точно так же, как он выводит полезность железа из полезности продукта, изготовленного из железа, он выводит и величину полезности железа, которую следует исчислить, из величины исчисленной полезности запланированных продуктов из железа; как последняя полезность, так и первая поэтому исчисляются по предельному закону. Ожидаемая предельная полезность ожидаемых продуктов заранее определяет оценку производительных средств.

Предельный закон гласит, что все элементы запаса оцениваются кумулятивно по предельной полезности, и такое кумулятивное исчисление должно, следовательно, распространяться и на продукты, и на производительные средства. Имеющийся в распоряжении запас железа необходимо поэтому оценивать в размере 1000×10 , или 10000, а запланированный запас каждого вида продуктов - в размере 100×10 , или 1000; следовательно, сумму всех 10 частей также в размере 10000. Видимость парадокса, который возникает вследствие кумулятивного исчисления в хозяйстве, совершенно исчезает в производстве. Очевидно, что этот способ оценки объемов обеспечивает соблюдение такого производственного плана, который дает наибольшие преимущества, и что он представляет собой простейший способ оценки из всех возможных.

В нашем примере мы в упрощенной форме взяли один-единственный вид производительных средств, но в действительности в условиях высокоразвитого производства всегда существует очень много таких видов - столь же много, сколько имеется ступеней упорядочения производства. Для всех них действует предельный закон. Между тем мы хотим сохранить также и в последующем изложении то упрощенное выражение, которым мы сейчас пользовались, и обобщенно говорить только об одной предельной полезности производительных средств, которую мы противопоставляем предельной полезности продуктов. Только если возникнет необходимость осуществлять более конкретное исчисление в рамках структуры упорядочения производства, мы будем расчленять производительную предельную полезность.

Впрочем, мы будем поочередно отказываться от идеализированных допущений, которые сейчас сформулировали, и заменять их такими допущениями, которые приближаются к эмпирическому содержанию производства. Если сейчас мы рассматривали один-единственный вид производительных средств, образующих издержки, то в последующем мы должны расширить это положение указанием на взаимодействие трех элементов - земли, капитала и труда, а кроме того, мы будем различать специфические и образующие издержки производительные средства; если сейчас мы рассматривали только продукты, образующие издержки, то в последующем мы будем говорить и о специфических продуктах; если сейчас мы рассматривали технически простейшее количественное соотношение между производительными средствами и продуктами, то в последующем мы будем классифицировать по ступеням нормы затрат; если сейчас мы рассматривали все шкалы потребностей как одинаковые, то в последующем мы будем принимать в расчет шкалы различного вида; наконец, если сейчас мы рассматривали процесс производства, не связанный ни с каким временем, то в последующем мы введем в исчисление также и фактор времени, различая при этом долговечные и быстро расходуемые производительные средства. Мы должны будем в этой связи говорить о законе издержек, о производительном времени, о расчете чистого дохода, о ренте и капитализации, и учение об исчислении полезности тем

самым будет превращаться в конце концов в учение об экономическом расчете.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Закон производственных издержек простого хозяйства

Коммерсант противопоставляет полезность и издержки. С точки зрения использования товар предстает перед ним как благо, которое должно быть полезным; с точки зрения создания товар является для него продуктом, для изготовления которого нужно понести затраты. Сравнительное противопоставление полезности и издержек пронизывает все производственные расчеты; коммерсант стремится с наименьшими издержками получить наивысшую полезность, и он ни в коей мере не желает затратить более того, что может быть компенсировано в виде полезности. Но на основании чего в конечном счете сравнимы эти две величины, которые он постоянно сравнивает между собой, - этому практический опыт коммерсанта не дает никакого объяснения.

Теория черпала свои представления об издержках из практики - классический пример для отношений, которые существуют между экономической практикой и теорией. Попытки теоретизирования с помощью обыденных понятий рынка являются началами всех экономических теорий, и эта сила обыденных понятий не является сама по себе недостатком а, напротив, представляет собой недостаточно высоко оцененное преимущество для научного мышления, непосредственно получающего доступ к непостижимо богатым источникам жизненного опыта. Какое сокровище опыта отсутствует в общеизвестных представлениях о полезности и издержках! Сила обыденных понятий только тогда становится недостатком для теории, когда последняя бесконтрольно подчиняется этой силе и остается в рамках возможностей теоретизирования, заложенного в этих понятиях. Коммерсант проницателен, но его кругозор ограничен узкими рамками; он всегда видит только тот отрезок экономики, который соответствует его практическому интересу; напротив, теоретик должен охватывать все экономические явления в их взаимосвязи, обусловленной единством экономики. Понятия полезности и издержек также в конечном счете связаны друг с другом, и их глубинный смысл можно постичь только тогда, когда понята их внутренняя взаимосвязь. Собственно говоря, этот глубинный смысл проглядывает даже в обыденном понятии издержек. Любой развитый язык наполнен смыслом, который воспринимается слушающим, не будучи выражен в словах. Это относится также и к слову "издержки"; в случаях его употребления оно возбуждает представления, связывающие издержки с полезностью, и тот, у кого есть чувство языка, может открыть эту связь, следуя за ассоциациями, возникающими из самого слова. Таким образом, этот случай с издержками представляет собой классический пример последней и высшей услуги, которую может оказать язык жизни научному мышлению, показывая пути, по которым можно проникнуть в скрытое ядро жизненного опыта. Если коммерсант говорит об издержках или затратах, то тем самым он определяет требуемое количество производительных средств, но кроме того, при этом вскрывается ассоциативное представление о жертве, вызванной этими затратами. В

чем состоит эта жертва? Во что обходится, например, производителю выделение им из своего запаса железа в известном количестве для производства из него изделий? Жертва состоит в том, что он выделением железа для определенного изделия ограничивает или вообще исключает возможность производить другие изделия. Производительные средства, образующие издержки, определение которых было дано нами ранее, представляют собой распространенные производительные средства многостороннего применения. В качестве таковых они обещают принести пользу и выгоды по целому ряду направлений, но реализация этой перспективы по какому-либо одному направлению означает всякий раз потери на всех других направлениях. Эта жертва выражена в принятии издержек: производственные издержки представляют собой количество затрачиваемых производительных средств, требуемых для какого-либо определенного продукта и потому исключенных для других продуктов. Теперь ясно, благодаря чему сравнимы издержки и полезность. Полезность есть собственная полезность данного продукта, а издержки понимаются как более отдаленная полезность, обещаемая имеющимися производительными средствами и реализуемая через полезность всех производимых продуктов, как если будет позволено так выразиться (например, полезность железа, полезность труда). Коммерсант, сравнивающий полезность продукта с издержками, в действительности сравнивает между собой два объема пользы - особой пользы отдельного вида продуктов и общей пользы всех родственных продуктов, которые можно было бы произвести из тех же производительных средств. Производственные издержки и полезность ни в коей мере не находятся в полной противоположности по отношению друг к другу. Под полезностью подразумевается полезность отдельных продуктов, а производственные издержки измеряют общую полезность других продуктов, которые можно получить с помощью данных производительных средств. Если производство в масштабах всего народного хозяйства в каждом отдельном случае осуществляется с наименьшими издержками, то в совокупности всех случаев оно достигает наивысшей полезности.

В идеализированном случае с запасом железа, который мы рассматривали в качестве примера, производительная предельная полезность затрат в точности совпадает с предельной полезностью всех видов продуктов. Предельная полезность железа равна 10 и предельная полезность каждого вида продуктов также равна 10, и если производство осуществляется планомерно, то затраты полностью покрываются получаемой полезностью.

В действительности обе величины никогда не совпадают, напротив, наблюдаются многочисленные отклонения, которые основаны как на преходящих нарушениях, так и на долговременных условиях производства. В настоящий момент мы должны заняться только последними.

При этом мы можем опираться на результаты, к которым мы уже пришли ранее в ходе нашего исследования. А именно: нами уже было установлено, что производство никогда не может быть приведено в состояние полного равновесия и что даже изготовление общих продуктов [общими продуктами (Kostenprodukte) Визер называет продукты, созданные с помощью только "общих" производительных средств", или "общих факторов", т.е. таких, которым можно найти любое или многообразное применение (такими производительными средствами являются труд и основные капитальные блага). Лишь затраты общих производительных средств Визер обозначает термином издержки (Kosten). К специфическим автор относит продукты, в создании которых участвуют специфические производительные средства, имеющие лишь ограниченное применение (к ним Визер относит земельные участки). - Прим. пер.] никогда не может быть выровнено по одному "уровню", потому что этому всегда препятствуют различия между шкалами потребностей. Мы говорили тогда о "границе удовлетворения потребности в среднем для общей массы продуктов", обозначенной

для каждой экономики ее наличными средствами, а также отметили, что отдельные общие продукты могут лишь настолько приблизиться к границе удовлетворения потребности, насколько это позволяет классификация отдельных шкал потребностей. От этого пункта исследования мы пойдем теперь дальше.

Пример с запасом железа и изделиями из железа, который мы только что использовали, необходимо, однако, расширить одним дополнением. Мы рассматривали 10 видов продуктов, предельная полезность которых была принята одинаковой для всех и равной 10, и теперь хотим наряду с ними ввести еще одну группу продуктов, чья шкала потребностей не играет решающей роли для величины предельной полезности, равной 10. Примем, что наряду с 1000 единиц железа, которые мы уже учитывали, в нашем распоряжении находятся еще 200 единиц и что эти последние предназначены для сооружения двух железных мостов, необходимых для соединения двух разделенных рекой кварталов одного города, причем для каждого моста требуются затраты в размере 100 единиц железа. Полезность первого из построенных мостов будет так велика, что намного превысит затраты в размере 100, исчисленные как требуемое количество железа, умноженное на предельную полезность. Примем, что эта полезность составляет 2000-3000, или в пересчете на единицу железа 20-30. Полезность второго моста также должна превышать затраты. Примем, что она равна 1500, или в пересчете на единицу железа 15. Кроме того, примем, что полезность, которой мог бы обладать третий мост, составляет только 500, или для единицы железа лишь 5, из чего следует, что третий мост строить не нужно, так как его полезность уже не будет возмещать полезность произведенных затрат.

При взятых цифрах рассчитанная величина границы удовлетворения потребности для единицы железа равна 10. Эта граница устанавливается теми видами производств, которые могут расширяться в точности до предельной полезности, равной 10. Если мы обозначим эти производства как предельные производства и их продукты как предельные продукты, то мы можем определить "границу удовлетворения потребности в среднем" как такую величину, которая обусловлена предельной полезностью предельных продуктов. Своеобразие продукта "мост" заключается в том, что он не является предельным продуктом; мы будем определять все продукты такого рода как продукты с высокой границей удовлетворения потребности, а соответствующее производство - как производство с высокой границей удовлетворения потребности. Для предельного продукта предельная полезность и полезность затрат совпадают, а для продукта "мост" они не совпадают: собственная предельная полезность выше, чем полезность затрат. В соответствии с какой же мерой следует теперь экономически оценивать подобный продукт с высокой границей удовлетворения потребности - по более высокой мере собственной предельной полезности или по более низкой мере полезности затрат? Это решающий вопрос. Разумеется, необходимо поразмыслить об обстоятельствах, при которых мерой становится собственная предельная полезность. Если при ледоходе один из двух мостов будет разрушен, то придется терпеть убытки до тех пор, пока он не будет восстановлен, и эти убытки будут оцениваться по полной мере собственной предельной полезности, равной 1500, которая теряется в течение этого времени; а если будет разрушен еще и второй мост, то нанесенный ущерб должен оцениваться по еще более высокой мере полезности, равной 2000-3000 (в зависимости от положения). В случае войны, когда от удержания обеих переправ зависят победа и спасение страны, для их защиты, возможно, будут принесены такие жертвы, которые выходят далеко за рамки оценок мирного времени, - подобно тому как в бою может быть обещано "полцарства за коня", тогда как полезность коня в обычной хозяйственной работе не оценивается наивысшей величиной. Между тем ни оценка ущерба вследствие непредвиденных потерь, ни оценка в ходе неожиданных поворотов войны не имеют никакого отношения

к нормальному экономическому исчислению. Экономическая оценка производится исключительно в целях установления плана производства и плана использования продуктов в хозяйстве, а результаты этой оценки точны лишь в той мере, в какой это необходимо для гарантированного достижения названных целей; иные возможности, лежащие за пределами нормального экономического процесса, не принимаются во внимание. Но для достижения этих целей вполне достаточно придерживаться меры полезности затрат. Если в нашем примере оба моста оцениваются как изделия, каждое из которых требует расхода 100 единиц железа с предельной полезностью, равной 10, то с помощью этих цифр может быть точно исчислена полезность, соответствующая нормальному течению хозяйства. Сейчас мы хотим продемонстрировать это.

Чтобы наш пример еще в большей степени соответствовал богатству форм действительности, нам следует отказаться от идеализированного допущения, заключавшегося в том, что для 10 видов продуктов, которые производились в нашем примере помимо мостов, действуют совершенно одинаковая простая норма затрат и одинаковая правильная шкала потребностей. Разнообразные изделия из железа, хорошо известные с точки зрения изготовления, различаются размерами и требуют различных количеств железа - от тончайшей стружки до гигантского блока, и так же многообразна градация шкал потребностей, которые они удовлетворяют. Если в нашем примере предполагалось, что величины собственной предельной полезности и полезности затрат расходятся только для изделия "железный мост", в то время как для всех других продуктов из железа они совпадают, то в реальной действительности может происходить наоборот: только для относительно немногих видов продуктов обе величины совпадают, а для большинства - расходятся, или иначе говоря, число производств с высокой границей удовлетворения потребности, может, видимо, быть больше, чем число предельных производств. Для этого примера также характерно, что в любом случае продукты из железа с высокой границей удовлетворения потребности, точно так же, как это было показано в нашем примере с мостами, должны будут входить в экономические расчеты не с собственной, более высокой полезностью, а лишь с более низкой полезностью затрат. Могло ли быть иначе? Основной закон исчисления пользы - предельный закон - для всех одинаковых элементов требует одинакового исчисления. Это должно действовать как для продуктов первого порядка в домашнем хозяйстве, так и для запасов более высокого порядка в производстве, все части необработанного железа должны оцениваться одинаково. Данные части, для какого бы производства они ни были предназначены, должны оцениваться последовательно и соразмерно производительной предельной полезности, мера которой определена предельной полезностью предельного продукта. Но может ли обработанное железо, если оно было использовано планомерно, оцениваться по-иному? Если каждый планомерно произведенный из железа продукт будет вступать в экономические расчеты в точном соответствии с той величиной, которая является результатом умножения необходимых количеств железа на предельную полезность, то получится рассчитанная величина, в точности соответствующая правильному производственному плану, и одновременно возникнет то преимущество, что рассчитанное выражение имеет чрезвычайно упрощенный вид. Уже при разработке производственного плана можно не тратить понапрасну силы, пытаясь во всех случаях совершенно точно произвести довольно сложную оценку собственной полезности продуктов; достаточно, например, установить, что полезность первого, а также второго моста значительно выше, чем полезность затрат, не определяя точно абсолютные цифры; только в тех случаях, которые находятся в непосредственной близости к границе удовлетворения потребности в среднем, необходимо производить точный расчет; однако как только установлено, что собственная полезность по меньшей мере равна полезности затрат, то затем вполне

допустимо производить расчеты на основе показателей полезности затрат.

Правильность таких расчетов доказывается практическими результатами, так как все экономически допустимые изделия и варианты использования без изъятий включены в них, а все экономически недопустимые - без изъятий исключены.

Если теперь мы оставим идеализированное предположение, что необходимо экономически оценить железо всего лишь как материал, и перейдем к более широкому предположению, что все богатство общих производительных средств - как трудовой вклад, так и затраченные продукты - является предметом экономического исчисления, то и при этом расширенном допущении мы должны прийти к тому же результату. При нормальном течении экономического процесса общие продукты всегда должны входить в экономические расчеты как соединение элементов издержек, необходимых для их производства. Как с технической точки зрения они являются аллотропическими модификациями образующих их элементов, так и с точки зрения расчетов они могут рассматриваться в качестве таковых [см.: Wieser. Ursprung des Wertes. S. 152].

Это - закон производственных издержек простого хозяйства. Необходимо еще одно поясняющее дополнение, чтобы ввести фактор длительности производства, от которого мы в силу идеализирующих допущений до сих пор абстрагировались; впрочем, если быть последовательным, предполагается еще и ответ на вопрос, как производительный доход от производства должен быть распределен по взаимодействующим видам издержек. Нам следует провести дополнительное исследование по обоим направлениям, а кроме того мы должны вернуться к действию закона исчисления для специфических продуктов.

Закон производственных издержек простого хозяйства соблюдается также и в развитом народном хозяйстве каждым отдельным производителем в своей деятельности; каждый производитель в расчетах, которые он производит для себя, оценивает изготавливаемые им самим общие продукты как соединение производительных элементов, необходимых для их производства. Формы, в которых на рынке обычно выражается закон издержек, а также связанные с ними прежние теоретические представления образуют основу исчисления, которое в действительности применяет производитель, но опять-таки отнюдь не в полной мере; эти формы обозначают величину издержек, размеры требуемых элементов затрат, но неспособны дать выражение для оценки самих элементов издержек. Наша формула дает закону издержек полное выражение, определяя также меру, в соответствии с которой должны исчисляться элементы издержек; этой мерой является производительная предельная полезность элемента издержек, которая выводится из предельной полезности предельного продукта. Тем самым, благодаря своему полному выражению, закон издержек становится полностью осмысленным. Это не какой-либо новый закон, это лишь перенесение основного закона исчисления полезности на широкие отношения производства родственных продуктов. Он сводит продукты к исходным производительным элементам и исчисляет последние на основе пользы, которую можно получить при наилучшем их использовании. Поскольку существует намного меньше видов исходных элементов, чем вариантов их соединения и, следовательно, видов продуктов, постольку расчет по издержкам имеет несравнимо более простое выражение, нежели расчет по собственной полезности продуктов. Как мы уже установили ранее, расчет по предельной полезности является гораздо более простым, чем расчет по совокупной полезности, расчет же по издержкам представляет собой дальнейший прогресс с точки зрения упрощения экономических расчетов.

Говорят о взаимосвязанных производственных издержках, соответственно о взаимосвязанных продуктах. Отходы производства и побочные продукты могут служить в качестве простейшего примера. Как те, так и другие могут возникать в связи с

производством основного продукта, а именно, производственные отходы возникают сами собой, для них вообще не нужны какие-либо особые производственные затраты, тогда как побочные продукты требуют определенных, хотя и лишь незначительных производительных расходов. Своеобразие обоих случаев заключается в том, что запас образуется без непосредственного учета потребности, всегда возникает столько производственных отходов, сколько их приносит с собой расширение основного производства; что же касается побочных продуктов, то возникающие при их производстве особые издержки во всяком случае должны быть введены в расчет, который в этом случае осуществляется таким образом, что сумма основных и побочных издержек должна покрываться из дохода, получаемого от основных и побочных продуктов, взятых вместе; однако побочные издержки не приобретают при этом большого значения.

Взаимосвязанными продуктами в широком смысле следует обозначать все те продукты, которые получают на одном и том же предприятии. Для всех них общими являются определенные генеральные издержки, определенные издержки, связанные с использованием оборудования и общие издержки предприятия, которые нужно отличать от специальных издержек, возникающих отдельно для каждого продукта. Между генеральными издержками и специальными издержками имеются многочисленные переходы. Генеральные издержки являются взаимосвязанными издержками, и они должны распределяться на все продукты данного предприятия или какого-либо подразделения предприятия. Это распределение следует осуществлять таким образом, чтобы достичь наибольшей пользы в целом. Мы хотели бы пока ограничиться этим общим тезисом, а позже, при рассмотрении учения о цене, вернуться к детальному анализу.

Существует много качественных продуктов, которые получают, применяя специфические производительные средства особого качества; но может быть и так, что утонченное качество достигается лишь усиленными добавками средств, образующих издержки, использованием, например, большего количества часов рабочего времени. Качественные продукты последнего типа являются в первую очередь общими продуктами: они представляют собой соединения практически тех же видов элементов затрат, что и более грубо сделанные продукты, только расход элементов издержек на единицу изделия оказывается большим. Бедное хозяйство вынуждено довольствоваться более грубыми продуктами, удовлетворяющими основную потребность, для чего они и предназначены, на минимальном уровне и в условиях противодействия со стороны неприятных и вредных факторов; более развитое хозяйство, располагающее богатыми запасами предметов труда, средств труда, а также обилием рабочей силы, повышает степень удовлетворения потребностей не только тем, что производит больше продуктов, но также и тем, что это - продукты более высокого качества. Как первая, так и вторая форма развития объяснима в рамках закона насыщения: дополнительно присоединяемые производительные элементы как в первом, так и во втором случае употребляются со снижающейся пользой; как в первом, так и во втором случае они служат удовлетворению снижающейся потребности; как в первом, так и во втором случае в конце концов может наступить перенасыщение, в первом случае - вследствие умножения актов удовлетворения потребности, выходящих за рамки здравого смысла, во втором - вследствие утонченности, ведущей к испорченности. Это замечание важно потому, что оно сводит проявление качества продуктов к количеству издержек и, следовательно, расширяет пространство, где действует закон издержек и где упрощаются экономические расчеты.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Изменение издержек и исчисление полезности

Результатом изменений издержек, как правило, являются изменения в ценах. Это представление очень сильно содействует укреплению широко распространенного в деловом мире мнения, перешедшего из этой среды также и в теорию, что цены определяются главным образом издержками. В действительности издержки, а значит, и изменения издержек, всегда могут воздействовать на цены только тем, что они оказывают влияние на исчисление полезности, и воздействие, которое оказывают на цены изменения издержек, следует поэтому понимать лишь в том смысле, что это воздействие, оказываемое на исчисление полезности.

Изменения издержек могут обуславливаться различными причинами. С одной стороны, в определенной части они являются следствием изменений, возникающих в действительном соотношении запаса и надобности, с другой стороны, они являются следствием изменений, возникающих в технических условиях производства, причем нередко обе причины действуют одновременно.

Что касается изменений надобности и запаса, то наряду с мелкими колебаниями, которые почти никогда не прекращаются, но и не оказывают никогда особого воздействия, порой бывают и более сильные колебания, возникающие настолько неожиданно, что производство не может быстро подготовиться к ним, чтобы добиться выравнивания. Эти колебания воспринимаются как нарушения производства, которые приводят взаимосвязи родственных сфер производства в беспорядок и, видимо, даже разрушают их на определенное время полностью, в результате чего полезность затрат снижается и даже, возможно, вообще перестает оказывать влияние и решающей становится собственная полезность продуктов.

Если, например, внезапно разразится война и сильно возрастет непредвиденная надобность в оружии, или если часть запасов оружия попадет в руки врага, то взаимосвязи родственных сфер производства практически прерываются, и имеющееся оружие пока вообще не рассматривается как продукты, как соединения составляющих их производительных элементов; оно рассматривается, напротив, как имущество особого рода, которое нужно оценить по его более высокой собственной полезности. Впрочем, высокое напряжение, возникающее в таком случае между полезностью затрат железа и других производительных элементов, с одной стороны, и собственной полезностью оружия - с другой, включает мощный двигатель, расширяющий производство и вновь увеличивающий запас; затраты же производятся на таком высоком уровне, который иначе не был бы допустим, и это происходит до тех пор, пока не будет преодолено нарушение и не будет вновь достигнуто выравнивание полезности затрат и полезности продуктов. Однако нарушения могут быть вызваны и тем, что потребность неожиданно снижается или имеющиеся запасы неожиданно расширяются. В этих случаях собственная полезность наличных продуктов опускается ниже полезности затрат, и возникает стимул для того, чтобы добиться выравнивания обоих видов полезности путем расширения потребления. Сильное снижение надобности в продуктах длительного пользования может вести не только к преходящим затруднениям, но и к долговременной остановке производства. Например, в некоем городе, население которого значительно сократилось, новые жилые дома больше не

строятся до тех пор, пока есть возможность использовать старые; оценка существующих домов производится уже не по комбинации элементов затрат, а по более низкой мере их предельной полезности, которая не возмещает издержки. Изменения в технических условиях производства бывают двух видов. В первом случае - это технический прогресс, благодаря которому снижаются нормы издержек, во втором - производство с более высокими нормами издержек в неблагоприятных производственных условиях, что в особенности может быть необходимым в связи с возрастанием надобности, обусловленной увеличением населения.

При технических улучшениях в небольших масштабах, снижающих нормы издержек лишь для небольшой группы продуктов, можно легко увидеть их последствия; уменьшается величина издержек, на основе которых оцениваются соответствующие продукты, и одновременно экономятся ресурсы; вместе с тем возможно расширение производства, вследствие чего потребуются дополнительные затраты, и, в зависимости от того, первое или второе следствие преобладает, начинается определенное движение выравнивания по отношению к другим производствам; но сдвиги, возникающие в результате в рамках совокупного производства, будут все же незначительными, и они вряд ли окажут заметное влияние на исчисление полезности других родственных с точки зрения производственного происхождения изделий. Иначе обстоит дело при технических улучшениях общего воздействия. Использование силы пара на фабриках уменьшило нормы издержек для целого ряда продуктов, еще более широкое влияние оказали железные дороги, так как оно распространяется на все продукты, которые нужно перемещать внутри страны на длинные расстояния, причем для этого нет, скажем, речных путей или каналов. Если воздушный корабль станет транспортным средством будущего, которое и производительностью и дешевизной превзойдет железнодорожный транспорт, так же как последний превзошел гужевой транспорт, то соответствующее воздействие проявится в таком же широком объеме. Технические улучшения в таких больших масштабах оказывают многостороннее влияние на исчисление полезности. Прежде всего, они непосредственно снижают нормы издержек для чрезвычайно большого ряда продуктов, затем в силу закона запаса - поскольку теперь может производиться большее количество продуктов - они понижают также и предельную полезность, в соответствии с которой исчисляются элементы издержек, и тем самым они воздействуют затем также и на те продукты, нормы издержек для которых не уменьшились, но которые вследствие повышения общей границы удовлетворения потребностей теперь могут производиться в большем количестве; наконец, в силу закона издержек они воздействуют даже на такие относительно редкие продукты, нормы издержек для которых не уменьшились и которые не производятся в большом количестве.

При возрастании издержек в широких масштабах оказывается такое же громадное воздействие, но в противоположном направлении; при этом повышается норма издержек не только непосредственно затрагиваемых продуктов, но также и оценка элементов издержек, а затем для других производств и даже, возможно, для совокупного производства в рамках всего народного хозяйства устанавливается более низкая граница удовлетворения потребности для общей массы продуктов. Если однажды окажутся исчерпанными лучшие месторождения угля и поэтому понадобится повышенными затратами разрабатывать худшие месторождения, то - предполагая, что пока еще не изобретены какие-либо иные дешевые источники энергии, способные заменить энергию пара, - возможности мирового производства и объем мирового снабжения будут ограничиваться наиболее чувствительными сферами, что будет выражаться не только в значительном увеличении важнейших норм издержек, но помимо того в возросшей оценке всех элементов затрат и тем самым в существенном понижении границы удовлетворения потребности в рамках мирового хозяйства. Влияние изменений издержек на исчисление полезности распространяется также на те

запасы продуктов, которые сохраняются еще с того времени, когда действовали старые нормы издержек. Во всяком случае, если реализуется технический прогресс, всегда должен пройти определенный период, пока новые способы не смогут эффективно осуществляться, но и при этой предпосылке удешевление издержек - если собранные старые запасы были очень велики - может оказывать определенное упреждающее воздействие; при использовании запаса оценка его сразу производится по новой величине предельной полезности или приближенной к ней. Когда же переходный период остается позади, то все различия между старыми и новыми продуктами, предполагая их одинаковое качество, исчезают, для всех них с этого момента в равной степени действует оценка в соответствии с новой, уменьшенной нормой издержек или, как еще можно сказать, для старых продуктов определяющей является уже не норма издержек, требовавшаяся при их производстве, а та норма, которая необходима для их восстановления или воспроизводства. Этот закон воспроизводственных издержек, пожалуй, не требует более детального обоснования, он гласит лишь, что, решающее значение всегда имеют наименьшие издержки, обусловленные уровнем развития техники.

Различия норм издержек возникают не только в результате изменений издержек, связанных с техническим прогрессом, но и при данном техническом уровне в результате воздействия тех или иных внешних условий, в которых функционируют предприятия. Изменения норм издержек в таких случаях при исчислении полезности не принимаются во внимание. Лучшие земельные участки дают продукцию с меньшими нормами издержек, чем средние и худшие, но все плоды земли одинакового качества, с какого бы участка они не происходили, всегда оцениваются одинаково высоко, причем при данных нормах издержек решающей всегда будет наивысшая норма, при которой удовлетворение потребности еще экономически приемлемо. В этом смысле можно говорить о законе наивысших издержек. Если же в противоположность этому слишком большие затраты произведены вследствие халатности, неумелости, незнания, лени, то эти затраты не определяют решающую для оценки норму издержек, поскольку они не являются "необходимыми": они не соответствуют наивысшей из достижимых степени использования ресурсов или, если повторить известное высказывание Маркса, они не соответствуют средней общественной степени умелости и интенсивности.

Все эти нормы, которые выведены для учета изменения издержек, известны в качестве факторов, влияющих на цены. Важно понять, что они относятся не только к ценам, но в первую очередь к оценке полезности. Их влияние на цены опосредуется оценкой полезности.

Как и все продукты, основные средства производства также подчиняются закону воспроизводственных издержек, т. е. они исчисляются на основе наименьших издержек, которые требуются при данном уровне развития техники и при данных обстоятельствах. Без сомнения, развитая техника для производства основных средств производства в свою очередь вновь требует основные средства производства, и попытка трудовой теории объяснить капитал как простой продукт труда противоречит поэтому закону воспроизводственных издержек. Исторически преодоленные способы производства могут так же мало влиять на оценку капитала, как и на оценку какого-либо иного продукта, и теория, которая возвращается к ним, совершенно выходит за рамки экономических представлений.

Одним из ставших уже частыми в практической жизни примеров повышения издержек с самым широким воздействием является закон убывающего плодородия почвы. Возможно, возрастающее всеобщее удорожание, на которое как раз сейчас сетуют во многих странах, можно объяснить тем, что мы живем в такой период, когда после долгого сдерживания закон снова стал действовать, потому что потребность в продовольствии для возросшего в огромных масштабах населения не может быть

удовлетворена путем вовлечения в оборот новых земель. Даже если бы этот закон не действовал, а все нормы издержек, вкладываемых в землю, приносили бы одинаковый доход, то производство продовольствия для увеличивающегося населения потребовало бы возрастания затрат в абсолютном выражении, и их покрытие без каких-либо ограничений было бы возможно только в том случае, если одновременно в соответствующей пропорции возрастает капитальное богатство народа. Поэтому закон убывающего плодородия почвы обременяет экономику вследствие того, что необходимые для вложений в землю затраты относительно, т. е. в расчете на душу населения, повышаются, и поэтому растут требования, которые должны быть выдвинуты по отношению к увеличению капитала. Только там, где увеличение капитала по меньшей мере идет в ногу с увеличением населения, обременяющее воздействие закона убывающего плодородия почвы может быть преодолено.

Цифровой пример наилучшим образом будет способствовать выяснению действия закона убывающего плодородия почвы, оказываемого на оценку сельскохозяйственных и промышленных продуктов. При этом, чтобы представить обстоятельства дела в возможно более простом виде, мы сведем все сельскохозяйственные продукты к одному продукту - пшенице. Примем, что прежде для получения 1 центнера пшеницы требовалось 10 единиц затрат, а в будущем, чтобы прокормить возросшее население, для расширения возделывания пшеницы понадобится затратить 11 единиц. Начнем с неблагоприятного случая, который имеет место, когда увеличение капитала недостаточно велико, чтобы выделять средства на всю требуемую сумму повышения расходов, и когда пшеница является предельным продуктом. Если до этого пшеница имела предельную полезность, равную 10, которая в точности возмещает необходимые издержки, то при этих неблагоприятных допущениях повышенное расходование средств в размере 11 единиц не может произойти до тех пор, пока предельная полезность пшеницы не повысилась до 11 единиц; иными словами, в этом случае расширенное возделывание земли допускается лишь тогда, когда одновременно снижается количество пшеницы, приходящейся на душу населения, и тем самым снижается подушевая квота потребления продовольствия. В то же время должны быть соответственно ограничены и все другие предельные производства, и поэтому также снизится средний уровень жизни и в отношении широкого круга промышленных продуктов. При более благоприятном случае, когда пшеница будет не предельным продуктом, а продуктом с высокой границей удовлетворения потребностей, и величина предельной полезности равна, например, 12, то становится допустимым повышение затрат до 11 единиц без необходимости снижения квоты потребления продовольствия на душу населения. В этом случае необходимые для расширения возделываемых земель средства будут изъяты из промышленных предельных производств, в которых при иных обстоятельствах они были бы затрачены, будет ощущаться ограниченное снабжение этими промышленными продуктами, и предельная полезность производительных средств должна установиться на более высоком уровне. Наконец, если мы предположим благоприятнейший случай, когда общий прогресс обеспечит достаточно большое богатство для того, чтобы производить затраты для возделывания земли, не ограничивая также и промышленные предельные производства, то закон убывающего плодородия почвы не приведет к повышению оценки элементов затрат; его действие ограничится тем, что произойдет сдвиг в соотношении оценок сельскохозяйственных и промышленных продуктов таким образом, что первые теперь будут оцениваться выше, так как нормы издержек на их производство повышаются, в то время как для последних падают. Этот сдвиг будет тем сильнее, чем в большей степени прогрессирует промышленность и возрастают доходы.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Проблема вменения дохода

Производительные средства являются комплементарными и ни одно из них -- ни капитал, ни земля, ни труд -- не создает дохода, будучи предоставлено самому себе. То, что земля приносит дикорастущие плоды без вмешательства человека, можно рассматривать как ненадежный и крайне скудный источник продуктов; "плоды земли", не являющиеся "продуктами труда", незначительны по сравнению с произведенными дарами земли; впрочем, уже их простое собирание, если оно происходит длительное время, такие виды работ, как охота и рыболовство в качестве промысловой деятельности и, наконец, добыча полезных ископаемых, являются разработками богатств земли. Чтобы произвести простейшее изделие, труд должен иметь материал для себя, а чтобы воздействие было сильнее, он должен быть подкреплен средствами труда. В развитом народном хозяйстве каждый продукт проходит множество этапов технической обработки и изменения местоположения -- от добычи сырья до поставки потребителю, и каждый продукт испытывает воздействие едва ли обозримого многообразия производительных средств. Если теория говорит о трех производительных факторах -- земле, капитале и труде, -- то этими словами она в обобщенной форме обозначает три большие группы, в которые могут быть включены тысячи и тысячи соответствующих производительных средств.

Чтобы вести производство планомерно, производитель должен уметь в каждом отдельном случае составить себе мнение о том, в каком объеме участвует каждое из множества взаимодействующих производительных средств в создании дохода, он должен быть в состоянии определить, какая часть целого продукта обязана соответствующим производительным средствам. На практике производство постоянно связано с этой задачей, и не может быть сомнений в его способности решать ее с той степенью точности, которая отвечает его интересам. Не только все точно подсчитывающая крупная фирма стремится составить и составляет точный отчет о том, что дает ей каждый рабочий, что дает каждая машина, что дает каждое новое вложение, но и перед любым субъектом, занимающимся хозяйством, поставлена проблема распределения дохода, и она всегда решалась соответствующим образом; без этой проблемы нельзя представить себе хозяйство Робинзона, она существовала уже на примитивной стадии развития того или иного народа, занимавшегося охотой и рыболовством, она будет существовать также и в экономике социалистического государства, если таковое когда-либо будет воздвигнуто; теми же способами практического экспериментирования, какими решали бы эту проблему Робинзон, племена, ее сумеет решать и социалистическое государство.

Как уже говорилось, три фактора соподчинены не на равных основаниях, напротив, труд стоит выше участвующих в производстве вещественных факторов, он осуществляет руководство, тогда как другие являются лишь его вспомогательными средствами, его орудиями, не обладающие сами по себе целесообразной созидательной живой силой. В этом смысле можно по праву сказать, что производит один только труд, и к этому следует добавить, что земля и капитал представляют собой не более чем условия для того, чтобы труд мог производить; в этом смысле можно применить широко употребляемое выражение: любой продукт в своей основе является продуктом труда. Но было бы большим заблуждением считать, что и в практическом

хозяйствовании весь производительный доход зачисляется лишь на счет труда. Величина дохода на практике всегда зависит от того, в какой мере создающий работник оснащен вещественными вспомогательными средствами; работник всегда будет различать средства, оказывающие эффективное действие, и малоэффективные, и если таким образом он считает, что та или иная часть дохода зависит от вспомогательных средств, то на долю труда придется лишь оставшаяся часть дохода [подсчитано, что на капиталоемких предприятиях Германии денежный доход на каждого занятого составляет около 4000 марок, а на некапиталоемких - около 2000 марок. Очевидно, нельзя объяснить добавочный доход в размере 2000 марок лишь как результат труда, применяемого на капиталоемких предприятиях, так же как и на капиталозкстенсивных предприятиях нельзя весь доход объяснить применяемым на них трудом; в обоих случаях только часть дохода идет на счет непосредственно применяемого труда, а весь остаток должен - если мы абстрагируемся от доли предпринимателя - зачисляться на счет участвующего в данном производстве капитала. Ни один предприниматель не сможет без существенного ущерба вести расчеты по-иному, и образцовое социальное государство должно вести расчеты таким же образом.

Трудовая теория также не приходит к выводу, что доход должен быть полностью отнесен на счет непосредственно применяемого труда. Она делит доход и относит ту долю, которую предприниматель зачисляет на счет участвующего в производстве капитала, на счет труда, применяемого опосредованно, т. е. того труда, который создал капитал, являющийся согласно трудовой теории опять-таки продуктом труда. По этому поводу мы со своей стороны должны возразить, что для практической экономики капитал не является чистым продуктом труда и что недопустимо из практической экономики исключать фактор капитала. Это верно, что из зачисленной сначала на счет капитала доли дохода какая-то часть вновь должна быть отнесена за счет труда, примененного при производстве этого капитала, но всегда сверх того должна оставаться какая-то часть, которая не может далее сводиться к труду, а обязана своим существованием капиталу как таковому]. Даже тогда, когда в какой-то момент социалистические рабочие проникнутся требованием распределять национальный доход только среди производящих рабочих, проблема распределения дохода все так же будет сохранять большое значение. Деление доходов между людьми и распределение их по факторам - это две различные задачи. Сущность социалистических лозунгов заключается в том, что земля и капитал в качестве необходимых вспомогательных средств труда не могут находиться в частной собственности, а должны принадлежать рабочим, организованным в общественном масштабе; доли дохода, которые приносят эти факторы, не должны делиться на основе частного права, и, в частности, не должны доставаться не-рабочим в качестве личного дохода, но эти доли необходимо точно рассчитывать и в социалистической экономике, если эта экономика будет регулироваться планомерно. Вместе с тем вывод о том, что и земля и капитал имеют свою долю в доходе, отнюдь не может служить аргументом против основного лозунга социализма, так как из одного этого вывода никоим образом не следует, что земля и капитал должны находиться в частной собственности и являться основанием для извлечения частного дохода. Проблема распределения дохода по факторам есть проблема внутреннего порядка хозяйства, которая существует при любой правовой форме организации хозяйства, - это проблема простого хозяйства, которая как таковая должна быть вынесена за рамки партийных споров.

Правда, социалистическая партия лишается таким образом одного из важнейших своих аргументов, ибо если бы земля и капитал действительно не вносили никакой доли в доход, это означало бы, что доходы, получаемые землевладельцами и капиталистами, произведены за счет рабочих, создающих весь доход, и поэтому для этих доходов

нет иного объяснения, кроме эксплуатации. В такой же степени высшие интересы защитников частной собственности заключаются в доказательстве того, что и земля, и капитал имеют свои доли в доходе. Теоретическая защита частной собственности на средства производства вряд ли имела бы какие-либо шансы на успех, если бы оказалось верным положение, что исключительно весь доход создается трудом и что проблема распределения дохода по факторам поднята лишь вследствие интересов собственников, тогда как в простом хозяйстве она не существует.

То, что буржуазная экономическая наука все же не уделяла этой проблеме достаточно внимания, объясняется тем, что крупнейшие теоретики буржуазной экономической науки, классики, склонялись преимущественно к трудовой теории. Будучи буржуазными экономистами, они, правда, не разработали трудовую теорию со всей последовательностью до конца - это было сделано только социалистическими мыслителями, нашедшими в классической трудовой теории уже готовым свое лучшее оружие, - но они все же были так сильно ею захвачены, что не смогли найти верный подход к проблеме распределения дохода. Только в рикардовской теории земельной ренты обсуждался один из наиболее очевидных случаев вменения: если на лучшем поле при одинаковой обработке получают больший доход, чем на худшем, то легко понять, что для этого добавочного дохода решающим фактором является не труд, а качество поля, и такой доход без обиняков можно назвать добавочным доходом лучшего поля. От проницательного ума Рикардо все же не ускользнула эта взаимосвязь, хотя ему и не удалось сделать большего и осмыслить проблему вменения во всем ее объеме и в ее истинном значении.

Даже те буржуазные экономисты, которые придерживаются не трудовой теории, а теории полезности, до последнего времени не могли по-настоящему приблизиться к проблеме, и поэтому они едва ли продвинулись вперед в научном осмыслении элементарных идей теории полезности. От проблемы отделялись, объявляя ее неразрешимой, и в том виде, как она была поставлена, она действительно неразрешима. Предполагалось отыскать в продукте физически долю, которая должна приходиться на примененные средства производства при его создании. При такой постановке проблемы считалось бы, пожалуй, достаточным, если бы все искусство производства исчерпывалось обычным соединением веществ, так же как в хлебе смешаны друг с другом мука, соль и пряности. Между тем даже при этом простейшем допущении уже невозможно воздать должное рабочей силе, которая смешивает вещества, да и как можно верно учесть столь многообразные формообразующие силы, изменяющие вещество, не добавляя к нему новых веществ, или перемещающие готовый товар из одного места в другое!

Чтобы правильно поставить проблему, ее надо поставить с точки зрения практической экономики. На практике проблема распределения дохода поставлена не для выявления физической причинности, а для определения экономического вменения.

Правовая наука в рамках своего круга задач уже давно объяснила понятие вменения и его отношение к причинности; юридическое учение о вменении служит примером для экономической теории, которому лишь нужно с пользой для себя следовать, чтобы поставить свою проблему.

Судья не может осудить кого-либо, если тот не участвовал в преступных действиях и поэтому находится вне сферы преступной причинности, но одного факта, что некто находится в причинной связи с обстоятельствами, приведшими к преступному результату, ни в коей мере недостаточно для наказуемого вменения результата. Может быть осуждена только та личность, которая вообще вменяема и которая в данном конкретном случае в той или иной степени виновна в совершении таких действий, которые влекут уголовную ответственность. При установлении причинной связи судья самым тщательным образом должен следить за тем, чтобы цепочки фактов

были неразрывно связаны, но он не должен все же проникать в эти взаимосвязи глубже, чем этого требует цель процесса; например, он будет удовлетворен, если медицинский эксперт объяснит ему, что примененный яд способен привести к смертельному исходу, но вместе с тем ему не нужно подробнее заниматься такими важными для научной фармакологии вопросами, как характер изменений, вызываемых ядовитым веществом в организме и приводящих к смерти. Если судья установил причинную связь и условия вменения вины, то он может вменить преступнику весь результат, хотя он очень хорошо знает, что без орудий и без сопутствующих благоприятных обстоятельств преступник не мог бы добиться такого результата; возможно, преступник использовал третье лицо, которое безвинно оказалось впутанным в причинную связь, возможно, ничего не подозревавшая жертва преступника была принуждена к действиям, приведшим к известному результату, и поэтому также попадающая в причинную связь - как широки могли бы быть эти взаимосвязи, как много причин и личностей могло бы быть сюда вовлечено, но судья объявляет ответственным виновником лишь одного преступника, которому и вменяется все произошедшее. Приговор такого содержания никак нельзя назвать нелогичным, так как он и не стремился отразить причинные связи, он и не хотел сказать, что преступник один, без орудий и без других используемых им лиц совершил или мог бы совершить преступление; он говорит, что среди многих сопутствующих причин и виновников лишь преступник является единственным ответственным виновником, единственным, приговоренным судьей к наказанию, чтобы свершить волю закона и выполнить функцию наказания. Может быть и так, что в рассматриваемом случае приговор судьи, которому законом и необходимостью выполнить функцию наказания предписаны определенные цели, должен оказаться совершенно иным, чем приговор, вынесенный другом, духовным наставником, дальновидным государственным деятелем, и то, что эти другие судьи, исходя из иных преследуемых ими целей, снимают с обвиняемого всю вину и возлагают ответственность за преступление совсем на другого человека или общественные силы, которые закон оставляет безнаказанным, и даже возможно, что они призовут к ответственности государство и самих законодателей. Исходя из одного и того же преступления, из одной и той же причинной связи, каждый из них приходит, следовательно, к различным результатам вменения, потому что перед каждым из них стоят различные цели и потому что задача вменения всегда сводится лишь к тому, чтобы из множества виновных и множества причин выделить решающие с точки зрения поставленной цели и поэтому практически значимые.

Так же, как и в случае каких-либо действий человека, производство не может достичь своих целей без применения вменения.

Оно не может также использовать лишь причинную связь -- ни таким образом, чтобы пускаться в ее более глубокое изучение, чем это необходимо для практики, ни так, чтобы оставаться лишь в ее рамках; напротив, задача производства заключается в том, чтобы настолько прояснить причинность, что на этой основе можно будет прийти к практическому вменению. Среди многочисленных причин, обусловивших получение продукта, производительное вменение отбирает только такие, которые попадают в поле зрения практической экономики, и оно оставляет в стороне все те, которые относятся к прошлым, уже завершенным производственным периодам, оно оставляет в стороне все те причины, которые принадлежат иным сферам жизни, как, например, политике или общему положению дел в обществе, насколько бы важны они ни были даже в силу их обратного воздействия на экономику, оно оставляет в стороне те элементы природы, которые не входят в сферу господства человека, как, например, солнце и солнечный свет, оно оставляет в стороне даже те поддающиеся контролю элементы, которые имеются в избытке в качестве бесплатных благ, и учитывает исключительно имеющиеся экономические продукты и услуги. Вменение

последним всего произведенного результата не противоречит логике и фактам, а просто принимает во внимание лишь то, что вообще свойственно вменению, лишь те причины, которые имеют практическое значение. Сельский хозяин не может судить о том, какие причины вообще обеспечили доход, но он может судить о том, какие из этого множества причин определяют получение дохода в практическом хозяйствовании. Поэтому с полным основанием он не вменяет какую-либо долю выращенного урожая чистому атмосферному воздуху над полем, хотя воздух, разумеется, способствует его вызреванию и даже крайне необходим для этого; и так же с полным основанием он вменяет весь результат хозяйственным производительным средствам, хотя последние сами по себе совершенно не смогли бы произвести этот результат. Среди всего множества причин, обуславливающих доход, эти средства являются для него единственными практически значимыми причинами, они являются единственными, в воздействии на которые он как производитель заинтересован. Если теперь производитель приступает к распределению дохода по отдельным практически значимым причинам, ему снова придется различать причинную связь и вменение. Опять-таки он не будет слишком глубоко проникать в суть причинной связи, а ограничится практически важными взаимосвязями, и прибегнет прежде всего к вменению. В упомянутом выше случае лучшего поля, если бы сельский хозяин попытался физическим распределением выявить влияние земли, труда, семян, удобрений, плуга и всех других инструментов на полученный урожай, то это было бы безнадежным начинанием; ему достаточно установить, что при одинаковых затратах на лучшем участке производится дополнительный доход, и он относит весь этот дополнительный доход на счет лучшей земли, хотя и очень хорошо знает, что плоды, образующие дополнительный доход, являются не просто плодами земли, а в такой же мере результатами труда, семян и других примененных средств производства. При подобных обстоятельствах лучшее поле представляет собой практически значимую причину получения дополнительного дохода, и поэтому последний вменяется исключительно земле, хотя она вовсе не исключительный его источник и абсолютно не могла бы в одиночестве его произвести. Если сельский хозяин ведет расчеты таким образом, то он ведет их практически верно; он потерпел бы неудачу, если бы производил расчеты по-другому, например, понес бы убытки, если бы при продаже земли исключил из своих расчетов этот дополнительный доход и объявил такую же низкую цену, как и в случае худшей земли.

Являясь актом распределения дохода по факторам, вменение как таковое есть не что иное, как акт исчисления полезности. До сих пор мы исследовали исчисление полезности при том упрощенном допущении, что каждый вид запасов выполняет свою функцию в одиночестве, в теории же вменения мы исследуем законы исчисления полезности для более сложного случая, когда средства производства выполняют свои функции во взаимодействии.

В случае лучшего поля можно легко вывести правила вменения для дополнительного дохода. Но как следует рассчитывать доход худшего поля и, в более общем плане, обычный типичный доход по отношению к земле, капиталу и труду? Эта проблема, решение которой мы должны отыскать.

К крупнейшим достижениям Менгера принадлежит такая постановка им проблемы распределения дохода, которая дала надежду на разрешение этого вопроса. Менгер выяснил, что хотя средства производства взаимозависимы, эта взаимозависимость, однако, не является жесткой. Если бы земля, капитал и труд были бы постоянно связаны друг с другом в одних и тех же, типичных неизменных пропорциях, то не было бы никакой возможности практически определить их доли в доходе. Мы могли бы сказать лишь, что три производительных фактора, будучи смешанными в типичной пропорции, служат общей причиной получения определенного дохода, но не смогли бы определить, какое действие оказывает каждая из частичных причин. Об одной

частичной причине вообще невозможно было бы говорить; казалось бы, перед нами такой же случай, как и в известном примере с ножницами, использованном Миллем в своей "Логике" для выяснения понятия причины. Как оба лезвия ножниц, так же и земля, капитал и труд действовали бы совместно как одна неделимая причина, если бы они соединялись в одной и той же типичной пропорции. Однако эта предпосылка совершенно не соответствует действительности, напротив, практический опыт, особенно в условиях развитого производства, свидетельствует, скорее, что земельные участки, затраты труда и средств производства соединяются друг с другом самым различным образом. Каждое производительное средство может быть использовано в разнообразных комбинациях вместе с другим производительным средством, и поэтому, исходя из изменений дохода вследствие этих вариаций, можно определить величину воздействия, которое оказывает каждая из частичных причин. Во всяком случае Менгеру не удалось окончательно решить проблему вменения дохода, как не удалось ему и правильно поставить проблему, потому что он не пользовался понятием вменения, равно как и понятием исчисления полезности. Вот путь его рассуждений. Он указал на то, что в соответствии с практическим опытом при выпадении одного единственного производительного элемента все остальные элементы, находящиеся в производительной связи, вовсе не остаются без применения; может быть так, что другие элементы остаются связанными друг с другом и все еще приносят определенный, хотя и уменьшающийся доход; может быть и так, что вместо выпавшего элемента откуда-нибудь берется другой, заменяющий его, который, правда, из-за этого пробивает брешь в другом месте; может быть и так, что предпочтут такое решение: предусмотренную вначале связь полностью разрушить и между сэкономленными таким образом элементами установить новые производительные связи, в результате чего возрастает производимый ими доход, хотя это повышение и не замещает в полной мере доход, который был бы получен, если бы сохранилась распавшаяся комбинация.

Если в комбинацию входили 10 единиц десяти с 10 другими различными элементами, и доход был равен 100, то весь этот доход отнюдь не привязан к каждому элементу -- при такой предпосылке решение вообще нельзя было бы найти, -- а напротив, от каждого элемента зависит лишь определенная часть дохода, и представляется, что тем самым дана основа для распределения дохода.

Но при более детальном анализе выясняется, что такой путь все же не ведет в полной мере к желаемой цели. Прежде всего, придется признать, что оценка различается в зависимости от того, какой элемент представляется упраздненным и насколько большим предполагается число выпавших элементов.

Дополнительные рассуждения показывают, что при использовании метода Менгера должен оставаться нераспределенный остаток. Всегда необходимо основывать производственный план на таком варианте, который обеспечивает наивысший доход, и варианты, к которым приходится переходить при выпадении одного элемента, приносят поэтому на оставшиеся элементы меньший доход, чем тот, на который рассчитывали при первоначально предусмотренной комбинации. Различие между наиболее доходной комбинацией и вариантами последующих уровней доходности очень часто может быть совершенно незначительно, но оно всегда должно быть практически заметно, иначе именно этой комбинации не будет отдано предпочтение, и во всяком случае теоретически никогда нельзя пренебрегать им.

Основная идея Менгера заключается в том, что практический экономический расчет исходит из допущения случайных убытков. Однако экономическая оценка полезности, как нам известно, никогда не основывается на этой предпосылке, и оно абсолютно не может основываться на ней, поскольку иначе предельный закон с его кумулятивным учетом предельной полезности содержал бы в себе внутреннее противоречие. Экономическая оценка полезности всегда базируется на предпосылке,

что ожидаемая максимальная польза будет реализована и в действительности. Во всяком случае варианты меньшей доходности, которые практически не были намечены, не оказывают никакого влияния на исчисление полезности, и любое различие между доходом, проистекающим из запланированной комбинации, и доходом от следующего по выгоды варианта может не иметь никакого значения для расчета полезности. Если наилучшая планируемая комбинация обещает принести доход, равный 100, то абсолютно все равно, будет ли следующая возможная величина дохода составлять 99, 98, 50 или 1, - в любом случае вменение должно исходить из цифры 100. Эта величина должна быть полностью зачислена на счет взаимодействующих производительных средств. Закон, согласно которому производительные средства должны оцениваться на основе предельного дохода от производства, возможного при максимальном их использовании, не опровергается необходимостью распределения дохода. Проблема вменения дохода должна быть поставлена таким образом, чтобы не мог существовать какой-либо нераспределенный остаток.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Общее и специфическое вменение дохода

Если мы поставили проблему в указанном смысле, то нас может удовлетворить только такое решение, которое отвечает следующим условиям: во-первых, весь ожидаемый в соответствии с планом полезный доход должен быть без остатка зачислен на счет взаимодействующих производительных средств, и, во-вторых, он должен зачисляться на счет отдельных производительных средств в той мере, в какой каждое из этих средств в качестве практически значимой причины содействовало получению дохода. Если же оба условия обобщить, ожидаемый в соответствии с планом полезный доход должен без остатка вменяться в размере производительного вклада. Производительный вклад представляет собой в абсолютном измерении прирост дохода, который должен быть рассчитан исходя из действия отдельного производительного средства, но он также должен быть представлен и как доля в совокупном доходе. Последний способ выражения является наиболее простым. Если какое-либо сельскохозяйственное предприятие произвело определенное количество центнеров пшеницы, то вменение должно установить, какая доля приходится на землю, какая -- на труд и какая - на средства производства. По-разному рассчитывается такой вклад для общих продуктов и для специфических продуктов; в первом случае доход зачисляется на счет общих производительных средств, во втором -- на счет специфических производительных средств. Мы определяем первый вид вменения как общий, а последний -- как специфический. Трудность заключается исключительно в формуле общего вменения, применять же специфическое вменение совсем просто. В то же время при общем вменении трудность характерна лишь для случая предельного продукта, тогда как его применение для продуктов с низкой границей удовлетворения потребности совсем несложное. Предположим, что продукт "стол" является предельным продуктом двух производительных средств -- дерева и труда. Предельная полезность стола равна n ,

количество необходимых часов рабочего времени составляет 20 а, количество необходимого дерева--10 h. Пока у нас нет никаких иных данных, мы не можем осуществить вменение дохода, так как у нас два неизвестных - а и h - и только одно уравнение. Примем, что продукт "шкаф" также является предельным продуктом тех же двух производительных средств. Если случайно обнаружится, что расходы на изготовление шкафа точно такие же, как и на изготовление стола, и составляют 20 а и 10 h, то и предельная полезность будет такой же, т. е. равной n, и мы не приблизились бы к решению проблемы, так как у нас не появилось нового уравнения, а лишь повторилось первое уравнение. Однако дело обстоит иначе, если мы найдем предельные продукты обоих производительных средств, в которых соотношение требуемых количеств варьируется, или если мы найдем новое уравнение вследствие соединения обоих производительных средств с другими. Подобные уравнения, без сомнения, появятся. Безусловно, имеется гораздо больше вариантов производительных комбинации таких элементов затрат, как труд, дерево, уголь, железо, и других имеющихся элементов, чем видов и сортов элементов затрат. А если это так, то проблема вменения дохода решена. Мы сможем вычислить численное значение для а и численное значение для h, а затем сможем определить доли в процентах, которые характеризуют вклад 20 а и 10 h в полезный доход n. Мы можем произвести такие расчеты теоретически, но имеются все основания также и для того, чтобы производитель на практике, пробуя различные варианты, пришел к искомому решению.

Если однажды рассчитана полезность, которая характеризует вклад элементов затрат в полезный доход, приносимый предельными общими продуктами, то их оценка с помощью закона издержек действительна также и для продуктов с низкой границей удовлетворения потребности. Как мы знаем, при ненарушаемом течении производства они должны исчисляться одинаково для всех продуктов.

С помощью тех же величин рассчитываются элементы затрат и для специфических продуктов. Из собственно предельной полезности специфического продукта необходимо вычесть установленную указанным образом полезность затрат общих факторов, а остающаяся часть дохода вменяется участвующему в производстве специфическому фактору. Этот остаточный доход мы будем называть специфическим доходом; он очень близок к чистому доходу, но, как еще будет показано, никогда не совпадает с ним полностью. Если взаимодействует несколько специфических факторов, то они сопоставляются друг с другом по степени обладания специфическими свойствами, и вменение происходит таким образом, что специфический фактор низкой степени трактуется как общий фактор по отношению к фактору более высокой степени, т. е. его вклад оценивается указанным выше способом, а затем вычитается. Специфический фактор низкой степени может входить в несколько комбинаций, так что всегда имеются уравнения; которые отражают иную возможность использования этого фактора.

Впрочем, специфическое вменение -- это самое яркое проявление вменения, и поэтому оно привлекает к себе наибольшее внимание. Теория земельной ренты Рикардо - это теория специфического вменения для земли, используемой в сельскохозяйственном производстве и представлявшей собой для того времени наиболее значительный пример специфического фактора. Теория земельной ренты Рикардо не лишена недостатков, поскольку он не овладел общей теорией вменения, а также теорией экономического исчисления полезности, однако тем не менее им была хорошо осознана основная идея специфического вменения: он вычитал из валового дохода ту часть, которая покрывает издержки, а остаточный доход рассматривал как доход от земли. На практике внимание направлено прежде всего на такие случаи, при которых специфическое вменение дает особенно значительные результаты. Это характерно для случаев редких благ, к которым относятся сельскохозяйственные

земли, наиболее удобные по местоположению, и особенно земля в центре любого города; родственными случаями являются многообразные монополистические отношения на рынке, которых в теории простого хозяйства мы пока не касаемся. В этих случаях специфическое вменение доставляет большую и даже очень большую абсолютную величину специфического дохода, и, что особенно привлекает к себе всеобщее внимание, при возрастающем доходе от производства оно повышает эту абсолютную величину еще больше, причем очень часто повышает ее таким образом, что происходит повышение доли специфического дохода в общем росте дохода. Соответственно этому особо подчеркивается утверждение, обычное в рыночной практике, что на счет земли или иного благоприятного фактора зачисляется весь избыток, который остается после покрытия издержек. Однако при этом упускается из виду обратная сторона специфического вменения. Специфической редкости противостоит специфическое изобилие, и насколько благоприятно вменение для первой, настолько же оно неблагоприятно для второго; пока население остается редким, а земля находится в состоянии относительного изобилия, ей в качестве ее вклада вменяется лишь скудный остаток.

Специфическая редкость ведет к растущей интенсивности производства, и растущая интенсивность со своей стороны вновь воздействует на количественные показатели вменения. Прежде чем мы сможем сделать понятными эти взаимосвязи, нам следует прояснить понятие интенсивности производства.

Противоположность интенсивного и экстенсивного производства относится только к специфическим продуктам. Во всяком случае для продуктов, являющихся результатом взаимодействия общих факторов, усовершенствование техники и растущее изобилие производительных средств ведут к тому, что производятся многочисленные и при этом более богатые по составу или более ценные продукты. Например, вместо грубо сделанных изделий, служивших ранее в качестве предметов домашнего обихода, в результате прогрессирующего развития техники и изобилия в потребление поступают не только многочисленные, но и привлекательные и добротные вещи, для изготовления которых требуется несравненно больше материалов и труда. Но об интенсивности производства говорят лишь тогда, когда наряду с большим количеством общих производительных средств используются также и специфические производительные средства. Интенсивное производство развивается, если в определенный момент надобность станет настолько большой, что некоторые важнейшие группы специфических средств, и прежде всего такие, как земля, переходят в разряд относительно редких, и если одновременно возросшее изобилие общих производительных средств позволяет применять их растущее количество для преодоления препятствия, которым является для процесса производства специфическая редкость. Если же специфические средства встречаются еще относительно часто, производство остается экстенсивным, нормы издержек сравнительно малы, т. е. величина общих средств, которые комбинируются со специфическим элементом, мала. В противоположность этому интенсивное производство характеризуется тем, что эта величина значительна и постоянно возрастает. Можно рассчитать, какую степень интенсивности следует выбрать в том или ином случае. Лишь после того, как в каждом отдельном случае подтвердится, что общие факторы обеспечивают свой законный установленный в целом уровень предельного дохода, допустимо увеличить нормы издержек и повысить степень интенсивности, если предполагается, что повышение полезного дохода будет по меньшей мере эквивалентно возрастанию издержек. Если эта предпосылка верна, то использование новых издержек не только допустимо, но и рекомендуется, так как тем самым увеличивается полезный доход совокупного производства. То обстоятельство, что вследствие этого вменение для специфического фактора, возможно, окажется меньше, поскольку приходящийся на этот фактор остаточный

доход снижается, в единой экономике, где все решает лишь общий интерес, не принимается во внимание.

После этих предварительных рассуждений мы хотим на классическом примере с землей показать те отношения, которые существуют между степенью интенсивности и специфическим вменением.

Для исключительно редких земельных участков абсолютные величины дополнительных издержек [затрат общих факторов.- Ред.] очень малы, и обстоятельства вынуждают прерывать производство в точке, где дополнительные издержки еще могли бы быть хорошо вознаграждены (поскольку напряжение между полезностью издержек и предельной полезностью продуктов еще очень велико). Вместе с тем, принимая во внимание, что предельная полезность продуктов очень велика, уже небольшой доли дохода достаточно для того, чтобы покрыть издержки и сравнительно большую долю вменить специфическому фактору - земле, вследствие чего единица ее площади оценивается очень высоко. Нечто подобное происходит и при относительной редкости, только в этом случае рамки для дополнительных затрат раздвинуты беспредельно. Там, где хорошая земля для виноградников относительно редка, виноградарство если и не ведется так же интенсивно, как в наилучших условиях, то все же ведется достаточно интенсивно, чтобы максимально использовать напряжение, существующее между полезностью затрат и собственной полезностью продукта. Чем распространеннее хорошая земля, тем более снижается предельная полезность продуктов земледелия вследствие возрастающих размеров дохода, тем меньше нормы издержек, которые должны затрачиваться на единицу земельной площади, тем выше доля дохода, необходимая для покрытия издержек, тем меньше избыток, вменяемый земле как таковой. Он будет еще меньше, если мы предположим такое состояние, когда размеры земельной площади настолько велики, что может быть достигнуто снабжение земледельческими продуктами на уровне, примерно соответствующем общей границе удовлетворения потребности. Однако здесь также остается избыток над величиной, необходимой для покрытия издержек, так как затраченные средства, соединяясь с плодородной землей, обуславливают больший доход, чем тот, который они могли бы принести сами по себе. Если мы в этом отношении пойдем дальше и предположим такое состояние, когда земля имеется в относительно достаточном количестве, то мы получим большее богатство земледельческих продуктов по сравнению с уровнем, соответствующим общей границе удовлетворения потребности, и соотношение между потребностью в этих продуктах и их наличием более благоприятно, чем общее соотношение между потребностью и наличием продуктов, получаемых лишь в результате затрат, общих факторов, при условии, что оно еще сохраняет характер экономического соотношения между потребностью в продукте и его наличием. Сельскохозяйственное предприятие при этом работает исключительно экстенсивно, нормы издержек, приходящиеся на единицу земельной площади, очень малы, предельная полезность земледельческих продуктов крайне незначительна, и требуется большое количество продуктов, чтобы оплатить полезность единицы издержек; оставшаяся часть продуктов, которая вменяется земле, по своим размерам невелика и, кроме того, при низкой предельной полезности оценивается низко, но там, где нет исключительного изобилия земли, такой остаток всегда должен иметься. Только там, где земля в качестве бесплатного блага действительно имеется в изобилии, на ее счет больше ничего не зачисляется, а весь доход идет на счет затрат, которые могут применяться только самым экстенсивным способом, поскольку устанавливается крайне низкая предельная полезность земледельческих продуктов. Если наряду с массивами свободной земли имеются отдельные участки, выделяющиеся более благоприятным расположением или более высоким плодородием, для которых характерно экономическое соотношение между потребностью в такой земле и ее наличием, то им вменяется полученный дополнительный доход, который,

собственно, повышается в результате того, что эти участки обрабатываются более интенсивно, так как произведенные на них затраты окупаются в повышенной пропорции.

Все что выше было показано на примере земли, с учетом конкретных обстоятельств обычно имеет силу и для всех остальных случаев наличия специфических элементов. Особое положение специфических капитальных продуктов определяется тем, что они одновременно сами являются продуктами, а именно специфическими продуктами. Поэтому специфическое вменение не может к ним относиться. Напротив, оно должно переноситься на такие производительные средства, благодаря которым и данные капитальные продукты обладают специфическим характером. Если же эти производительные средства в свою очередь сами являются капитальными продуктами, то специфическое вменение должно переходить еще дальше, пока оно не встретится с фактором, на котором оно останавливается, поскольку этот фактор сам по себе не является продуктом, как, например, что имеет место и случае с алмазной шахтой; в теории менового хозяйства мы можем использовать эти рассуждения для случаев, связанных с затратами труда и рыночными отношениями, которые приобретают специфический характер вследствие правовых норм или реального положения на рынке. В случае если капитальные вложения имеют специфический характер лишь благодаря своим особым размерам, то получаемый вследствие специфического вменения повышенный избыток даст постоянный стимул расширять или умножать такие вложения, пока их объем не достигнет предела, за которым они утрачивают свой специфический характер и превращаются в общие продукты. Этот стимул в течение длительного времени нейтрализует препятствия, которые стоят на пути расширения или умножения вложений.

Хотя австрийская школа и приняла употребленный мной в "Происхождении ценности" термин и развитую в "Естественной ценности" идею вменения, но предложенную формулу решения она оспаривала весьма рьяно. Смотри в этой связи прежде всего пронизательную критику Бём-Баверка в седьмом экскурсе 4-го издания его "Позитивной теории". Здесь я не могу вдаваться в подробности его возражений, требующих такого же детального ответа, но я думаю, что мои утверждения с осторожными формулировками и точным обоснованием, которые были здесь вам представлены, могут оставаться в силе. Тот способ, каким я только что проводил различие между общим и специфическим вменением, и без того уменьшил противоречие между нашими взглядами, так как моя формула специфического вменения сильно приближена к решению Бём-Баверка. Во всяком случае я твердо уверен в том, что одного специфического вменения недостаточно и его необходимо дополнить общим вменением.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Экономический расчет полезности

Величина потребности не поддается непосредственному расчету, так как она не может быть сведена к единой общественной мере, представляя собой кратные ей

величины; она не имеет абсолютной численной величины, но имеет величину интенсивности. Величины интенсивности могут быть также оценены по отношению друг к другу, но во всех случаях результат может быть только такой, что оцененные величины одинаковы или что одну считают более высокой, а другие - меньшими, однако интервалы между величинами не могут быть кратными определенной единице; по отношению к величине интервала существует лишь ощущение дистанции, если позволено так сказать, и для этого ощущения находят какое-то более определенное выражение лишь постольку, поскольку имеется возможность заполнить данный интервал промежуточными оценками. Так, например, нельзя сказать, во сколько раз больше возбуждение от сильного чувства голода, чем от простого эстетического удовольствия, но можно наполнить дистанцию между ними и дать ей какое-то более определенное выражение, называя целый ряд возбуждений, которые меньше по силе, чем первое, но больше, чем последнее.

Вместе с тем человек все же в состоянии строго взвешивать результаты своей хозяйственной деятельности. В силу основного закона исчисления полезности делимый запас рассматривается как сумма единиц, каждая из которых оценивается по предельной полезности. Количественные единицы одновременно являются единицами полезности, и если производится их расчет как единиц количества, то одновременно рассчитывается и их полезность. Совокупность, состоящая из 200 шт., оценивается ровно в 2 раза выше, чем совокупность, состоящая из 100 шт.; все решения, которые можно практически применять по отношению к ним, являются в полной мере обоснованными, если они опираются на эту оценку, которая не просто как-то приближенно, а точно соответствует действительности. Само собой разумеется, эта оценка ничего не говорит о том, в каком отношении находится обеспечиваемое 200 шт. удовлетворение потребностей к удовлетворению, доставляемому 100 шт.; измерение этого удовлетворения также не входит в функции экономического исчисления полезности, которое может лишь определить границы, до которых допустимо осуществлять удовлетворение потребностей. Если внутри этих границ рассчитываются количества, которыми можно располагать, то это можно делать с помощью действительных количественных единиц, выполняя одновременно и задачу экономического контроля полезности.

Едва ли можно найти другой пример, который смог бы так убедительно доказать закон экономии мышления, пропагандируемый современной философской школой [речь идет в первую очередь о произведениях Э. Маха. (Прим. ред.)]. Люди, проявляя лишь такую меру предусмотрительности, которая соответствует предельной полезности, действуют по принципу наименьшего усилия. Путем определения границы, до которой может происходить удовлетворение потребностей, наиболее точно осуществляется экономическая селекция потребностей: это определение границы оставляет все необходимые значения и отбрасывает все недопустимые, т. е. то, "что лежит выше нее, то хорошо, что лежит ниже нее, то плохо" ("Происхождение ценности". С. 137). Какой груз снимается с человека! Обеспечиваются существование, здоровье, сила, комфорт, и нет никакой необходимости проявлять беспокойство в большей степени, чем это предписывается предельным уровнем комфорта, до которого позволяют доходить обстоятельства. А как упрощается оценка экономических средств, применяемых для удовлетворения потребности! Вся "избыточная полезность" от удовлетворения потребности, выходящая за рамки предельной полезности, не принимается во внимание; в каждом отдельном случае не нужно тщательно взвешивать трудноуловимые величины собственной ценности единицы блага - достаточно установить предельную ценность и свести все возможные ценности к этой общей мере, что дает, помимо прочего, чрезвычайно важное преимущество: возможность оперировать с ними как с абсолютными величинами и производить численные расчеты.

Значение закона предельной полезности, справедливого для всех делимых запасов при расчете ценности, полностью раскрывается через закон издержек и закон вменения. Закон издержек позволяет нам рассматривать все общие продукты как соединения затраченных на их изготовление производительных элементов и тем самым сводит их к делимым запасам производительных средств (в том числе и те продукты, которые сами являются неделимыми). В стационарной экономике каждый общий продукт рассчитывается как сумма издержек, из которых он состоит (в соответствии с необходимыми нормами издержек), но элементы издержек со своей стороны становятся сравнимыми между собой численно вследствие того, что они в силу закона вменения сводятся к всеобщим единицам полезности - предельным полезностям продуктов, представляя собой их доли. Тем самым при осуществлении практического экономического расчета, и особенно расчета издержек, все имеющиеся в распоряжении народа совокупности разнообразных общих производительных средств и общих продуктов рассматриваются как единый большой запас, величина которого выражается в определенных единицах затрат, например в единицах труда, и через них в конечном счете в каких-либо единицах полезности. Если каждое общее производительное средство и каждый общий продукт оценивают по сумме единиц полезности, которые они содержат, то налицо возможность для расчетов плана производства и ведения хозяйства, т. е. плана, рассчитываемого в самом строгом смысле слова, поскольку он соответствующим образом определяет границу производительного предназначения (Widmung) и изготовления, а также границу потребительского использования вплоть до мельчайших, практически едва различимых количеств. Правильность подобного расчета доказывается достигаемым успехом, его цифры представляют собой не просто более или менее отдаленное приближение к адекватному выражению ценности, а именно точное численное выражение количественных единиц, являющихся одновременно единицами полезности. Наибольшие трудности с объяснением возникают в случае специфических продуктов, так как их предельная полезность находится выше или ниже общей границы удовлетворения потребностей. Если единицу полезности предельного общего продукта принять за n , то предельная полезность единицы абсолютно или относительно редкого специфического продукта должна быть установлена выше n , а предельная полезность специфического продукта, имеющегося в относительном достатке, - ниже n ; при этом мы не получаем непосредственного численного значения величины отклонения, так как существуют не поддающиеся расчету непосредственные оценки потребности, которые должны сравниваться между собой. Однако на практике и для этих случаев был найден путь получения численного выражения, которое в точности характеризует желаемые цели практических действий и которое поэтому в случае достигнутого успеха служит доказательством того, что произведен точный расчет. Практика заимствует численные оценки из количественных соотношений продуктов, полезности которых сравниваются. Предположим, например, что собольи шкурки являются относительно редким товаром, а простое местное вино - товар, имеющийся в относительном достатке, тогда как пшеничный хлеб производится в таком количестве, что его потребление как потребление общего продукта, производимого без участия специфических факторов, в точности может соответствовать общей границе удовлетворения потребности; при этом, разумеется, нельзя найти непосредственное численное выражение для соотношения ценностей, которые соответствуют радости владения собольей шубой, или утолению жажды при потреблении вина, или утолению голода при потреблении хлеба, однако можно точно определить количество хлеба или количество пшеницы, полезность которых и величина потребности в которых считаются равными таковым для одной шкурки соболя или одного ведра вина, поскольку отношение равенства должно быть установлено и для величины интенсивности. Таким способом верно определяются цифры, с помощью

которых происходит сведение специфических продуктов и производительных средств к всеобщей счетной единице экономики, и опять-таки правильность цифр подтверждается их применимостью, так как на основе таких расчетов разрабатывается верный производственный план или план ведения хозяйства, и в особенности точно определяется степень интенсивности, в соответствии с которой затрачиваются общие производительные средства в специфических производствах. Если 100 ведер местного вина равны 50 единицам полезности в системе всеобщего экономического расчета и равны одной собольей шубе, то тем самым дана мера для единицы издержек, которые можно затратить на одну соболью шубу и одно ведро местного вина.

При нарушениях производства связь между родственными по происхождению изделиями и исходными материалами в большей или меньшей степени затруднена, а возможно, даже упраздняется, и общие продукты, если они прямо не превращаются в изолированные блага, становятся специфическими (относительно редкими или имеющимися в относительном достатке) продуктами, и для произведения расчетов с ними на время нарушения производства действуют те же правила, которые постоянно действуют для специфических продуктов. Изменения издержек, которые ограничиваются нормами затрат, не имеют какого-либо иного следствия для расчета полезности, кроме того, что теперь расчеты в отношении рассматриваемых продуктов производятся с возросшим или уменьшившимся числом единиц издержек. Изменения издержек, заходящие так далеко, что их предельная полезность сама повышается или понижается, затрагивают непосредственные оценки и изменяют единицу расчета. По всем правилам подобные изменения могут происходить только постепенно, когда вначале от исходного уровня полезности отдаляются отдельные продукты, позже - все новые и новые и, наконец, все общие продукты. Практический расчет может точно выразить все подобные изменения, так как соотношение здесь то же самое, что обычно действует для специфических продуктов; необходимо исходя из нового уровня полезности постоянно подсчитывать количество благ, которые соответствуют единице полезности на предыдущем уровне.

Иное дело, когда период хозяйственной деятельности полностью завершен и остался в прошлом. Во время перехода от одного периода к другому всегда существует живое внутреннее ощущение непосредственных величин потребностей, которые следует соблюдать, и особенно отчетливо фиксируют те выделяющиеся ценностные величины, которые дают меру предельной полезности, чтобы была возможность сравнивать с ними все прочие встречающиеся величины. Между прошлым хозяйственным периодом и настоящим этот мостик отсутствует, так же как отсутствует он и при сравнении одного народного хозяйства с другим, и поэтому пропадает смысл применимости экономического расчета, поскольку в ощущении не удерживается единица, с которой они должны быть соотнесены. Даже ущерб, причиненный национальному доходу или национальному имуществу сильным стихийным бедствием, едва ли можно выразить в цифрах; во всяком случае получается совершенно не соответствующее действительности выражение, когда просто подсчитывают количество утраченных единиц полезности и оценивают его как кратное расчетной единице, которая действовала при спокойном протекании хозяйственных процессов. Экономический расчет предполагает делимые запасы, множество же благ, гибнущих вследствие стихийного бедствия, воспринимается как нечто целое. Система экономического расчета выросла из практических задач хозяйствования, и, будучи отделена от них, она теряет смысл, а численные оценки утрачивают характер точных величин и в лучшем случае сохраняют характер приближенных величин. Цифра, которая говорит нам, что национальный доход на одном из отрезков развития удваивается по сравнению с предыдущим отрезком, на самом деле не дает никакой меры для соотношения, в котором изменилось удовлетворение потребностей населения. Это

соотношение вообще нельзя выразить численно; тот, кто стремится представить информацию по данной проблеме, должен отказаться от цифр и дать конкретное описание обстоятельств существования.

Однако в некоторых исключительных случаях расчет по предельной полезности все же не срабатывает и в практической экономике. К таковым относятся давно наблюдаемые случаи, применительно к которым обычно говорят об антиномии меновой ценности. История торговли дает нам целый ряд примеров того, что продавец получает для себя выгоду, уничтожая часть своих товарных запасов, чтобы увеличить выручку; нередко подобным же образом выгода обуславливается монопольной политикой, ограничивающей производство, чтобы увеличить прибыль. С точки зрения расчетов в этих случаях цена единицы товара возрастает в большей степени, чем сократилось число единиц, вследствие чего совокупная выручка становится больше, если ограничивается количество продаваемых товаров; продавец, имеющий власть определять размеры запаса, в состоянии содействовать получению личной выгоды за счет ущерба для общественных интересов. Для простого хозяйства предполагается, что постоянно должен реализоваться общий интерес, и поэтому антиномия, относящаяся к противоположности личной власти и общественного интереса, исключена, но тем не менее даже в расчете, который проводится в простом хозяйстве, такие своеобразные случаи выделяются на фоне прочих до такой степени, что возникает видимость антиномии. Легче всего это проследить, если мы возьмем чрезвычайный случай и предположим способ производства, позволяющий увеличивать запас до перенасыщения. Предположим, например, что путем бурения артезианской скважины или открытия мощного горного источника можно обеспечить город в изобилии чистой питьевой водой. Здесь мы не могли бы произвести расчеты строго по предельной полезности, поскольку избыточный запас бесплатных благ имеет предельную полезность ноль. Должно ли это, однако, помешать осуществить затраты на такое дело, которое обеспечивает получение максимально возможного полезного результата? Разумеется, нет. Наивысший полезный результат будет обеспечен, несмотря на то, что получаемую пользу нельзя исчислить; выясняется, что расчет по предельной полезности в этом случае не служит упрощению, как при прочих обстоятельствах, а, напротив, вводит в заблуждение, и он будет заменен детальным исчислением совокупной пользы.

Так же обстоит дело и во всех прочих случаях кажущейся антиномии. Там, где увеличение запаса, исчисленного по предельной полезности, ведет к меньшей в целом численной оценке, расчет по предельной полезности утрачивает свой смысл как метод упрощения, и решение о плане производства следует принимать, основываясь на исчислении, которое оценивает полный полезный результат. Расчет по предельной полезности применим там, где для более крупного запаса он дает более высокие общие цифры; в тех же случаях, когда для более крупного запаса он дает более низкие общие цифры или вообще ноль, он неприменим. Случаи первого вида представляют собой общее правило, случаи второго вида - редкое исключение, так как экономика до сих пор слишком мало приблизилась к изобилию, чтобы можно было достичь абсолютно полного насыщения. Если в каком-либо регионе доходят до точки глубокого насыщения, то это чаще всего происходит в результате непредусмотренного случая богатейшего урожая или вследствие нескольких богатейших урожаев. В промышленных отраслях, которые в большей степени насыщены техникой, чем сельское хозяйство, умеют точнее сопоставлять издержки и доход, и если здесь благодаря продолжающемуся прогрессу техники удается в течение продолжительного времени сильно повысить доходы, то одновременно сильно возрастает надобность в результате прогрессирующего увеличения населения, и надо быть довольным, если достигается весьма постепенное повышение среднего уровня обеспечения благами. Таким образом объясняется тот факт, что практическая

экономика не знает иного способа обосновать правильность расчета по предельной полезности, кроме достижения успеха. Поэтому такой расчет настолько превратился для хозяйствующих субъектов в привычку, что они видят в нем просто необходимый способ экономического расчета и бывают в высшей степени удивлены, если его применение в исключительных случаях отказывает.

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Частная организация хозяйства на пороге капиталистической эпохи

До сих пор мы рассматривали частнокапиталистический порядок лишь как предпосылку, из которой мы исходили при исследовании, как данный факт, на который мы опирались, прослеживая течение народнохозяйственного процесса. Мы задавались вопросами, какими законами руководствуются субъекты частного права, вступающие в обмен, при определении обмениваемых количеств и цены и как они на этой основе осуществляют свою производственную деятельность, следуя при этом экономической логике? Однако с помощью тех результатов, которые мы получили, наша задача объяснения смысла общественного хозяйства еще не решена окончательно, так как прежде необходимо выяснить, совместим ли сам факт существования частной собственности с логикой общественного хозяйства. Является ли частная собственность оформлением экономической логики или в большей степени оформлением власти? Мы не можем считать завершенным наше теоретическое описание протекания народнохозяйственного процесса, если мы не нашли еще ответ на этот последний решающий вопрос.

То, что частная собственность теснейшим образом взаимосвязана с функционированием отдельного хозяйства, можно разъяснить в нескольких словах. Частная собственность распространяется только на такие блага, для которых существенно соотношение между потребностью в них и их наличием. Разве кто-нибудь заинтересован хоть в малейшей степени в том, чтобы распространить частную собственность на блага, имеющиеся в избытке, если он не может лишиться кого-либо этих благ, равно как и его никто не может лишиться права пользоваться ими! Частная собственность черпает свой смысл из логики хозяйствования: поскольку необходимо бережно относиться к расходованию хозяйственных благ, постольку ощущается побуждение охранять свою собственность от других претендентов; становится важным вопрос о "моем" и "твоем"; гарантированная собственность должна дать правовые гарантии для хозяйственного использования. Таким образом, теория полезности не только разъясняет нам фактическое течение экономики, но и подводит к объяснению ее правового порядка.

Конечно, только таким способом еще не дается полное объяснение, потому что, подобно мне, любой человек стремится реализовать свои интересы, связанные с собственностью, а из разнородных интересов следует прежде всего не правовое состояние, получившее всеобщее признание, а только всесторонняя борьба. Разгорается борьба за владение, победителем в которой остается сильнейший. Так как поверженный враг, которого победитель заставлял работать на себя, как раба,

в течение столетий был важнейшим составным элементом владения благами, то борьба за владение экономическими благами распространилась и на личность и превратилась в борьбу за личную свободу. С тех пор как свобода личности гарантирована юридически, борьба за личную свободу превратилась в борьбу за продукт труда, и в этой форме она дошла до наших дней. Борьба за владение, сопровождающаяся нарастающими с разных сторон импульсами, первоначально происходила в формах открытого насилия, а позже приобрела скрытые формы, облачившись в правовые одежды. Она отчетливо обнаруживается для наблюдателя в имущественных преступлениях, в экономических злоупотреблениях власть имущих, в набегах разбойничьих народов и в бесчисленных распрях, которые вплоть до колониальных войн нашего времени велись и ведутся из-за экономических интересов. Менее отчетливо проявляется борьба за владение, если завоевательские народы, пришедшие к господству в результате насилия, ведут ее в форме права, установленного ими в соответствии со своими интересами и поддерживаемого превосходящей силой оружия. При любом эксплуататорском правовом порядке власть действует также и через право частной собственности, и, вероятно, еще не было, да и никогда не будет, такого правового порядка, который может сохраняться при полном отсутствии давления со стороны власти.

Непосредственно перед вступлением в капиталистическую эпоху частная собственность также пользовалась поддержкой власти, и все же, без сомнения, в это время она в общем и целом была санкционирована общей правовой убежденностью, и если тогда конституции гарантировали священность частной собственности, то тем самым они выражали правовое сознание народа. Буржуазия и крестьянство как состоятельные сословия видели в частной собственности реализацию своего интереса, пролетариат был представлен еще слабо и по своим экономическим взглядам еще не обособился от народной массы, социалистические сомнения относительно частной собственности еще не стали распространенными, частная организация хозяйства была в полной мере живым правом.

В данный момент мы ограничимся в нашем исследовании этим состоянием, характерным для преддверия капиталистической эпохи. Для современного состояния это исследование непосредственно ничего не доказывает, мы должны еще проверить, не изменили ли коренным образом смысл частной собственности большие действительные перемены, произошедшие с тех пор в народном хозяйстве.

Суть частной организации хозяйства заложена в порядке производственной деятельности. То, что произведенные потребительские продукты в конце концов попадают в частное распоряжение, не имеет большого значения; даже в социалистических кругах будущий порядок видится таковым, что в общественном распоряжении находятся только производительные средства, тогда как произведенные потребительские продукты должны выдаваться каждому в частную собственность. Поэтому мы ограничимся рассмотрением частной организации производственной деятельности.

Существенные факты организации производственной деятельности, как она существовала до распространения крупных капиталистических предприятий, позволяют нам кратко обобщить ее в следующих положениях. Весь народнохозяйственный производственный процесс распадается на необозримое количество преимущественно малых и средних отдельных частнохозяйственных процессов, которые взаимодействуют на основе разделения труда. Точно так же национальное имущество распадается на необозримое число частных состояний: хозяйственные блага, относящиеся как к движимому, так и к недвижимому имуществу, распределены среди частных собственников, денежные требования и все прочие экономически существенные права также обычно распределены среди субъектов частного права. Частные лица, участвующие в народнохозяйственном процессе, если они не объединены тесными

семейными узами, связаны друг с другом договором, и прежде всего договором обмена во всех его формах. Доход можно получить только благодаря какому-либо участию в народнохозяйственном процессе с помощью своего труда, своей собственности или иного своего имущества. Личный доход состоит из содержащейся в цене доли выручки, которую получают в процессе обмена в соответствии с законом вменения для данного участия. Если мы отвлечемся от роста ценности, то имущество увеличивается и новое имущество образуется вследствие того, что из полученных доходов удается делать сбережения. Частная собственность дополняется правом частного наследования, в случае смерти владельца оставленное имущество переходит к живущим членам его семьи или лицу, которому оно завещано последней волей владельца, в результате чего эти люди становятся частными правопреемниками. Наследства, на которые не предъявляют права частные наследники, переходят к государству, но случаи отсутствия наследников при широком круге родственников, законодательно включенных в порядок наследования, чрезвычайно редки. Государство, а также самоуправляемые общественные корпорации и церковь тоже могут быть субъектами частного права и в качестве таковых участвовать в народнохозяйственном процессе; однако их участие в качестве частных субъектов в значительной степени уступает участию отдельных лиц, частных лиц в узком смысле слова. Какое влияние оказывают эти организации, будучи носителями общественной власти, на народное хозяйство, в данном случае не должно обсуждаться. Значительная часть действующей частной организации хозяйства закреплена законами. Гражданское право, торговое право, вексельное право упорядочивают право материального владения и наследования; уголовное право предоставляет защиту от общественно опасных вторжений в право владения и наследования; уголовно-процессуальное право, гражданско-процессуальное право и не подлежащие обжалованию процедуры упорядочивают формы, в которых государство дает экономике правовую защиту; весьма большое число отношений в рамках хозяйственной организации регулируется административным правом; наконец конституционное право дает действующему порядку защиту на высшем уровне, придавая частной собственности характер государственно-конституционной нормы. Однако существенная доля содержания действующей частной организации хозяйства не закреплена в законах и сохраняется независимо от них. Ни тот факт, что общественный процесс производственной деятельности распадается на соответствующие отдельные частные процессы и народное имущество распадается на соответствующие отдельные частные состояния, ни соотношение, в котором оно распределено среди участников процесса, ни тот факт, что государство и другие общественные корпорации как носители частного хозяйственного права имеют второстепенное значение по сравнению с частными лицами, не узаконены официально, но тем не менее эти факты представляют собой решающие основы действующего хозяйственного порядка, именно они дают официальному хозяйственному праву широкую сферу его применения. Поскольку они имеются, государственной конституции, которая упорядочивает общественные правовые отношения среди населения, противостоит частный хозяйственный порядок, частная хозяйственная конституция, которая равна по значению государственной с точки зрения общего блага и даже, возможно, превосходит ее. То, что эта существенная часть общественного устройства осталась незакрепленной законодательно, можно объяснить только тем, что она обладает решающей силой, поскольку возникло на здоровой исторической основе. Частная хозяйственная конституция к началу капиталистического периода приобрела бесспорный характер благодаря тому, что она одержала победу в ходе исторического развития. Исторический процесс становления частной хозяйственной конституции занимает столетия. Для наших теоретических целей нет необходимости проследивать его развитие во всех подробностях, оно может быть предметом только специального

научного исследования, на которое у теоретика нет ни прав, ни способностей, поэтому вполне достаточно, если мы рассмотрим его наиболее общее и известное каждому образованному человеку содержание. Мы не нуждаемся также в исследовании его протекания с самого начала, достаточно, если мы обратимся к периоду натурального домашнего хозяйства, который начинается тогда, когда люди смогли с достаточной эффективностью обрабатывать землю, чтобы иметь постоянное место жительства. В этот период германцы уже объединились политически в народности, но народное хозяйство еще не возникло. Союзы народов стали необходимыми вследствие ведения войн, для успешного завершения которых должны были собираться общие вооруженные силы под единым командованием; ведение же хозяйства, напротив, еще не стало настолько всеохватывающим, чтобы ставить какую-либо общественную задачу и инициировать народнохозяйственный процесс. Для повседневного ведения хозяйства в общем достаточно сил одной семьи. Собрание сил всего народа и единое командование не давали бы в этом случае никаких преимуществ, а лишь, напротив, внесли бы бесконечную путаницу. После того как народная армия под предводительством князя исполняла свою службу в борьбе против врага, она естественно распускалась, с тем чтобы каждый человек мог дома заняться хозяйственными делами. Известный рассказ о римском диктаторе, который после победоносного похода уходит со своей высокой должности, дававшей ему власть над жизнью и смертью его сограждан, и возвращается в свое поместье, где он, как и любой другой римлянин, пашет плугом землю, наглядно показывает нам, как по-разному приспосабливается право, по которому живут люди, к задачам войны и к задачам хозяйства. Война с самого начала была массовым делом, которое затрагивает общее существование, хозяйство же на начальных этапах было отдельным делом малых групп и должно было исполняться в условиях территориальной обособленности.

В этом отношении уже в период натурального хозяйства действовал частный хозяйственный порядок (private Wirtschaftsverfassung). Однако тогдашний частный хозяйственный порядок ни в коей мере не тождествен сегодняшнему. Отдельные экономические процессы в то время не были, как это имеет место сегодня, частями большой народнохозяйственной системы; напротив, они были территориально изолированными, мелкими и развивались только на базе своей местности. Для целей нашего исследования особенно важно подчеркнуть, что их частный характер далеко не был так четко выражен, как после их превращения в частичные процессы одного большого общественного целого. Для того начального периода вообще еще нельзя говорить о полной частной собственности, и отношения между людьми также только в очень незначительной степени регулировались частными договорами. Земельные массивы, пашня, луга, леса находились в общинной собственности деревни или марки, право индивидуального пользования отдельного жителя деревни было ограничено. Когда позднее возникла частная собственность на землю, собственник был существенно ограничен семейным правом в передаче земли другим лицам как при жизни, так и после смерти, а кроме того, собственность крестьянина была ограничена правами помещика. Даже в организации своего предприятия крестьянин был не вполне свободен; он был ограничен соседским правом, которое предписывало обязательное соблюдение сроков сева и уборки урожая и способ ведения хозяйства. Отношения повинности для несвободных людей регулировались принудительным правом, позже громадные массы крестьян попали в крепостную зависимость, которая лишь постепенно приняла более мягкие формы. Что касается городских ремесел, то они с самого начала базировались на личной свободе и на частной собственности, но и в этой сфере производства личная свобода действий была сильно ограничена. Цех принуждал каждого к вступлению в него, предписывал отдельным членам цеха правила технологического процесса и диктовал вплоть до цен условия договоров, которые

мастер заключал со своими учениками и подмастерьями, а также с клиентами. Усилившаяся власть государства, которая перед вступлением в эпоху нового времени применялась для того, чтобы наладить народнохозяйственный процесс, многое делала таким образом, чтобы защитить крестьян от злоупотреблений господина и население - от злоупотреблений цехов, а также создать пространство для вырастающего крупного производства. Но большую часть того, что делала эта власть, она делала опять-таки с помощью средств, которые простирались от воспитательной опеки до полного правового принуждения. И только тогда, когда, наконец, народнохозяйственный процесс действительно наладился в полной мере, вековые цепи, территориально сковывающие хозяйство, и давление опекающего государственного управления были осознаны как серьезные сдерживающие факторы, были выдвинуты требования и осуществлены освобождение крестьян, освобождение земли, свобода промыслов, только тогда частный характер хозяйственного устройства смог проявиться в полной мере. Под давлением свободной конкуренции почти все промышленные предприятия, созданные государством в предшествующий период, были оттеснены и ликвидированы, а поскольку и большая часть земельных владений, имевшихся у государства с момента его формирования, также перешла в частную собственность, доказавшую свое экономическое превосходство над государственной, частный хозяйственный порядок одержал полную победу, которая тем более значительна, поскольку она одержана ограниченными в правах бюргерами и политически бесправными крестьянами над исторически сложившимися силами помещиков и местных властей, над самим государством со всеми его средствами насилия. Эта победа была достигнута не вследствие вмешательства внешней силы, а только благодаря внутренней силе успеха и экономической логики.

То, что в образовавшейся огромной общественной экономике частное право распоряжения проявляется значительно свободнее, чем на начальных этапах территориально раздробленной экономики, служит полноценным доказательством того, что частное устройство при исторически данных условиях докапиталистической эпохи соответствовало глубинной сущности экономики. Вначале обособленное хозяйство находилось под давлением внешних обстоятельств, не имевших ничего общего с экономической логикой, оно было результатом территориального обособления, в условиях которого вынуждено было существовать, потому что низкая степень мастерства и скудные размеры наличного капитала не позволяли ни прокормить большее число людей, сосредоточенных на небольшом пространстве, ни сделать возможным преодоление трудностей, возникающих из-за территориального удаления, при осуществлении экономического взаимодействия. Однако то, что частное обособление хозяйства сохранилось и тогда, когда люди, проживая в непосредственной близости друг от друга и преодолевая расстояния, объединялись в общественное хозяйство, можно объяснить только тем, что частный порядок общественного хозяйства успешнее доказал свои преимущества, чем любой другой порядок, например существовавший в замкнутых монастырских общинах или в едином государственном союзе. Тот же факт, что мы имеем дело не только с сохранением частного обособления, но и с процессом, в ходе которого частное распоряжение усиливалось, преодолевая все первоначальные ограничения, стремясь ко все большей свободе, можно истолковать только таким образом, что частный хозяйственный порядок благодаря возрастающему общественному воспитанию индивидов приобрел значительно большую внутреннюю техническую, организационную, моральную надежность, вплоть до того, что выросшая свобода сделала ненужными воспитывающие силы принуждения, бывшие необходимыми на протяжении длительного этапа развития с целью подчинения личных интересов общей пользе.

Вместе с успехами экономики росло и ее общественное значение. В успехе замкнутого домашнего хозяйства была заинтересована только отдельная семья,

теперь же всеобщий государственный интерес был связан с тем, что крестьянин кормил бюргера, который должен был сделать государство богатым. Если раньше экономика должна была подчиняться задачам войны, процессам образования государств и формирования культуры, если раньше хозяйственный порядок должен был подчиняться родственным связям и организации армии, церковному устройству и конституции государства, которые имели более важное значение для состояния общества, то теперь она стала развиваться наряду с ними и смогла полностью раскрыть свою собственную сущность.

Частный хозяйственный порядок является единственной исторически оправдавшейся формой крупного общественного экономического союза. Опыт столетий доказывает, что благодаря ему обеспечивается более успешное общественное взаимодействие, чем при всеобщем подчинении единому приказу. Единая воля командования, необходимая для сплоченности общих сил в случае войны и для единообразного исполнения законов, теряет силу при экономическом взаимодействии. В экономике, в том числе и при превращении ее в общественную экономику, всегда должна совершаться частичная работа, частичный труд должен реализовываться в делимых запасах благ, чтобы можно было получить наибольшую пользу от каждой части и максимально расширить границы удовлетворения всевозможных потребностей. Миллионы людей, которые смотрят миллионами глаз и наделены миллионами волей, осуществляют такой частичный труд несравненно более эффективно и сбалансированно, чем если бы осуществлялся общий труд, регулируемый из одной высшей инстанции, которая не может знать о существующих в каждом отдельном случае бесчисленных возможностях наилучшего использования данных обстоятельств и дальнейшего прогресса и в которой поэтому подчиненные чиновники от экономики должны были бы действовать только в соответствии с типичными правилами, сковывающими наличную силу и требующими обременительной и дорогостоящей перепроверки. Даже если отдельному чиновнику предоставили бы большую свободу действий, то у него все же не было бы достаточной заинтересованности в том, чтобы брать на себя повышенную ответственность, которая неизбежна, если он, отклоняясь от типичного образа действий, попытается искать новые пути. Напротив, частный производитель, чьи доходы зависят от выручки, которую он способен получить, всецело заинтересован в своей деятельности всем совокупным интересом своего личного ощущения жизни. Частный хозяйственный порядок нужен для того, чтобы огромную силу эгоизма поставить на общественную службу экономике, так же как в случае угрозы войны эгоизм готов подчиниться единому командованию.

Этот эгоизм, который из распыленных индивидуальных исходных элементов возвел здание народного хозяйства, является в полном смысле слова общественным эгоизмом, что мы уже разъяснили в нашем кратком очерке теории общества. Он выдержал общественную проверку, включая в систему разделения труда отрасль за отраслью, доказывая свое превосходство на новых и новых товарных рынках.

Общество смогло с полным основанием высвободить этот эгоизм юридически, потому что индивиды, руководствуясь им в силу действительной зависимости, в которой они, осуществляя свои частичные процессы, находились по отношению ко всему народнохозяйственному процессу, в достаточной степени встроили свой эгоизм в общественный порядок. Высвобожденное частное хозяйство остается в народнохозяйственном союзе, оно ни в коей мере не является изолированным хозяйством Робинзона, оно есть часть народнохозяйственного процесса, закономерно закрепленная в индивидуальном распоряжении. Для эгоизма, который руководит им, не упраздняется необходимость общественного надзора, он, как и прежде, находится под сенью закона. Апробированный обществом, допустимый в обществе и контролируемый обществом, он воспринимается людьми как общественная власть свободы, которая наивысшее одобрение может получить в признании со стороны

права.

Если наблюдать огромное неравенство в распределении благ между богатыми и бедными в любой период развития, равно как и в преддверии капиталистической эпохи, то все же никак нельзя избавиться от сомнений в отношении того, может ли эгоизм уже считаться общественным, если он примиряется с подобным антиобщественным распределением. Экономический принцип требует, чтобы потребности удовлетворялись наилучшим образом и чтобы блага не направлялись на удовлетворение менее важных потребностей, пока еще остаются неудовлетворенными более важные потребности. Для покрытия которых могут применяться эти блага; частный хозяйственный порядок, однако, позволяет богатым удовлетворять свои потребности в предметах роскоши, тогда как бедные с трудом могут обеспечить себе удовлетворение жизненно важных потребностей. Разве это не грубый корыстный эгоизм? Разве этот порядок не служит эгоизму власти, грубейшим образом нарушая логику общественного хозяйства?

Ответ, который мы можем дать на этот вопрос, не выводится из психологии типичного человека, из которой в теории простого хозяйства мы выводили наши предпосылки. Исторически сложившееся право сформировалось в таком виде, чтобы люди в реальной действительности наиболее успешным путем решали экономические задачи. Если бы задача экономики заключалась только в том, чтобы полученные без участия человека запасы благ направлять тем, кто испытывает в них потребность, то тогда действительно было бы допустимым только такое распределение, которое ориентируется "на разумные потребности", как гласит известная социалистическая формула. Главная задача экономики, однако, состоит в производстве, человек не получает от природы готовые к потреблению запасы благ, напротив, последние еще должны быть заготовлены людьми, предварительно прилагающими соответствующие усилия, и к этой главной задаче приспособлено исторически сформировавшееся хозяйственное право. Это не простое право потребления, но жесткое право производства, которое должно быть упорядочено для живущих в реальной действительности людей, делающих все наилучшее только для самих себя и ближайших родственников. Если при этом на долю отдельных людей выпадают неравные части, возможно, даже очень неравные, то из одного этого не могут выводиться какие-либо обвинения в адрес правового порядка. Вполне может быть, что правовой порядок, обуславливающий явно неравное распределение большого дохода, полученного с его же помощью, оказывается все же предпочтительнее для массы граждан, чем тот порядок, который распределяет значительно меньший доход граждан "разумно". Неравное распределение дохода в немалой степени является следствием неравенства личных способностей, мастерства и силы воли. Каждый, кто не желает трудиться, остается и с чем, и никто не будет шокирован этим - ведь он может работать и поэтому должен работать, если хочет жить; недопустимо, чтобы он перекладывал работу на других людей. То, что у малоодаренного, менее умелого человека дело выходит хуже, чем у более одаренного и умелого, вообще слишком глубоко лежит в законах экономического и общественного вменения, чтобы это могло вызвать серьезные протесты. Общество не может лишать умелого работника более высокой заработной платы, если оно не желает подвергнуться риску лишиться наиболее ценных видов труда. Если же строгое право обделяет тех, кто не по своей вине утратил свои качества или даже совсем лишился способности к труду, то эта строгость не может в полной мере вызывать сочувствие. Сверхвысокие доходы и богатства, которые намного превосходят средний уровень, также не могут вызвать чувства одобрения, тем более если они соблазняют на безделье и распутство и если они не заработаны сегодняшними собственниками, а перешли к ним по наследству от предшествующих поколений, а те в свою очередь получили их в результате чрезмерной власти и злоупотреблений. В распределении имущества и доходов,

имевшем место в преддверии капиталистической эпохи, можно было, конечно, в достаточной мере наблюдать такие отклонения от среднего уровня как вверх, так и вниз, они разрушали чувство справедливости, и тем не менее в то время частный хозяйственный порядок мог в принципе удовлетворять всеобщее правовое чувство. В целом же было достигнуто удовлетворительное состояние, и любые попытки заменить исторически оправдавшиеся правила другими, одобрения которых всеобщим правовым чувством еще требуется достичь, были бы тщетны. Каждый может спокойно потреблять свое, если он будет убежден, что масса других людей также находит свой кусок хлеба. Там, где чувство было задето строгостью права, ему предоставлялась возможность смягчить суровость закона.

Во все времена система частного права дополнялась широкой системой благотворительности, включающей человеколюбие, милосердие, заботу, что поддерживалось силой традиций, подкрепляемой религиозным чувством и предписаниями церкви. Система благотворительности предназначена для восполнения пробелов, которые благодаря способности сочувствовать ощущаются в строгом праве и из-за которых право без такого дополнения представлялось бы как жестокое и грубое. В процессе развития бедность даже упорядочивается правовыми нормами, правда, в размере минимума жизненных средств. Крайние индивидуалисты воодушевленно боролись с системой благотворительности, поскольку она снижала энергию экономических сил и повышала опасность перенаселения. Однако если кто-либо выделяет из своего богатства или благосостояния что-то нуждающимся, это вовсе не значит, что он поступает не по-хозяйски, расточительно. Такие действия, не диктуемые непосредственными задачами его собственного хозяйства, оправданы исходя из логики общественного хозяйства, от которого его личное хозяйство не может быть отделено. Чувство подсказывает ему, что общественный эгоизм нашего правового порядка все же в ряде случаев проявляется с избытком и недостаточно учитывает общественные интересы, если не предоставляется возможность вмешиваться дополнительными средствами. Его действия не подрывают правовой порядок, напротив, он еще более укрепляется, поскольку восполняются существовавшие пробелы.

Право частного наследования действует или прекращает свое существование вместе с частной собственностью. Нельзя отклонять право частного наследования, если общество допускает частную экономику, так как если все оставленное имущество при отсутствии наследников изымалось бы государством, то очень скоро государство стало бы единственным владельцем всех средств производства, что, однако, ни в коем случае не должно произойти, поскольку оно не в состоянии управлять этими средствами производства так же эффективно, как это делают частные лица. Кроме того, забота о хозяйстве возрастает в чрезвычайной степени благодаря стремлению оставить наследство детям. Экономическое равновесие между современностью и будущим было бы ощутимо нарушено, если бы это стремление подавлялось правовым порядком. Изъятие всего оставленного имущества государством очень сильно уменьшило бы вложения в имущество. Нападки на право наследования являются симптомом того, что распределение собственности воспринимается как нездоровое. Там же, где распределение собственности воспринимается как здоровое, право частного наследования действует как нечто само собой разумеющееся.

Экономисты-классики точно определили общественный смысл частного хозяйственного порядка. Одно из крупнейших их достижений заключается в том, что они заметили и описали связь между личными и общественными интересами. Они никогда не были индивидуалистами в том смысле, что никогда не ставили индивидуальные интересы сильных мира сего выше общего интереса. Учение о том, что индивидуальный интерес реализуется одновременно с совокупным интересом общества, они выводили из упрощенного и к тому же идеализированного взгляда на экономические отношения

того времени и формулировали со множеством оговорок. Но то, что эпигоны сохранили это учение, после того как капитализм стал могущественным, было ошибкой. Учение классиков оставило ученикам достаточно отправных точек для того, чтобы соответствующим образом развивать его дальше, после того как произошли сильные изменения. Однако эпигоны с их доктринерской предвзятостью остались слепы к новым фактам, которые быстро появлялись один за другим по мере взросления капитализма. Когда радикальные изменения продвинулись уже так далеко, что Лассаль охарактеризовал судьбу пролетариата, попавшего под действие железного закона заработной платы, как безнадежную и мог сравнить ее с судьбой осужденных на вечные муки в Дантовом аду, нашелся и такой человек, как Шульце-Делич, который, будучи полон добрых намерений, все еще придерживался мнения, что и в капиталистическую эпоху дело обстоит якобы так, что "всякий кузнец своего счастья".

Фридрих фон Визер. "Теория общественного хозяйства" > Капиталистическое господство в современном народном хозяйстве

В преддверии современного капитализма действительные предпосылки частного хозяйственного порядка созрели до такой степени, какой никогда не было ранее; казалось, будто все исторически унаследованные формы опеки и ограничения экономической свободы стали ненужными. Историческое воспитание в гражданах способности к народнохозяйственному взаимодействию казалось завершенным, проблема народнохозяйственного единства казалась решенной для культурных народов благодаря постепенно укрепившимся силам свободы. На этой почве возникло классическое учение о свободе. Не в последнюю очередь оно было вызвано к жизни распространением крупных предприятий, которые нуждались в полной свободе действий, чтобы на новых путях развития общества использовать достижения новой техники. Однако в ходе стремительного развития превосходство крупных предприятий превращалось во власть и господство, и через короткое время равновесие частного хозяйственного порядка было настолько разрушено, что учение о свободе оказалось неприменимым во многих областях народного хозяйства.

Описывая строение современной производственной системы, мы рассматривали отдельные отношения, из которых возникает капиталистическая власть. Мы можем теперь завершить этот анализ, обобщив процесс формирования капиталистической власти в целом и исследовав проблему как таковой капиталистической власти, перед которой мы остановились в нашем очерке теории общества.

Речь идет о том же процессе развития, который с момента возникновения человеческого общества происходил во всех сферах общественного взаимодействия, где общественное дело было столь значительно, что нуждалось в сильном руководстве, организовывавшем массы для более успешных действий. Превосходство руководства, обеспечивавшее массам успех, давало ему власть, которая в конечном счете видоизменилась в господство. Жалобы на то, что массы угнетаются властями, которых они сами наделили силой, так же стары, как и история человечества. Там,

где массы ослаблены, процесс заканчивается длительным угнетением; напротив, здоровый народ учится в конце концов преодолевать господство нового руководства и на достигнутой ступени успеха вновь находить свою свободу, пока новые факторы развития на новых ступенях опять не возобновят тот же процесс. Немало волнообразных движений, описанных в исторических хрониках, объясняется переменчивой игрой подъемов и спадов власти вождя и соответственно свободы масс.

Исторический процесс образования современных крупных государств, который мы наблюдаем почти в завершенном виде, на своем первом этапе, длившемся до распространения династического господства, в некоторых отношениях очень похож на процесс формирования капиталистического могущества, не предпослав ему обобщающее представление о формировании государственного могущества. Второй этап, на котором абсолютистское государственное устройство вытесняется более свободными формами устройства, интересен для нас тем, что мы видим здесь крушение власти, которая на своей высоте казалась неодолимой; однако капиталистическое развитие еще недостаточно продвинулось к своему завершению, чтобы мы могли провести сравнение также и в этом направлении.

Образование крупных держав удовлетворяло глубинную потребность народов в мире, поскольку народы, существовавшие прежде в условиях противоречий между мелкими государствами и беспрестанных распрей, страдали в наибольшей степени. Этот процесс значительно расширил область защищающего права и объединенного управления, а так как крупные державы стремились к установлению в своих взаимоотношениях состояния равновесия, которое все реже прерывалось бы войной, повышенная безопасность тем самым распространялась и за пределы государственных границ. Город и деревня добровольно подчинялись силе приказа могущественной династии, руководство со стороны которой освобождало их от многих ужасов и опасностей. После того как были одержаны первые наиболее трудные победы и восходящая династия возвышалась над соседствующими соперниками, она, будучи уверенной в преданности своих подданных, легче могла стать повелительницей и над соседями, вплоть до объединения крупной державы в ее естественных границах. С достижением этого успеха историческая миссия абсолютистского государства была выполнена, и с этого момента противоположность господина и подданного стала проявляться все сильнее, их интересы разобщались. Абсолютизм изжил сам себя. Абсолютный монарх концентрировал в своих руках распоряжение всеми силами народа, и никто, как бы влиятелен он бы ни был, не мог возомнить себя способным предпринять что-либо против него; все значительное, что могло предприниматься, исходило от монарха и в его интересах. "Разумное доводится до абсурда", так как властелин использует силу народа для себя и даже может применять ее против народа. Он всегда может подавить сопротивление отдельных групп и людей превосходящими силами власти, и он даже может не бояться неповиновения все народа, пока в его руках находятся все нити государственной организации и пока он с полным правом может сказать о себе, что он и есть государство. Во всех крупных государствах древности сила их народов приходила в упадок под гнетом местных деспотий. Казалось, что некоторые государства современной Европы разделили эту судьбу, но будучи в сущности здоровыми, они смогли под новым руководством сбросить ставшее в конце концов ненавистным иго и достичь более свободного государственного устройства.

Подобно тому как переход к современному крупному государству происходит под династическим руководством, переход к современному крупному предприятию возможен только под капиталистическим руководством. Так же как для утверждения испанского господства в Мексике и Перу необходимы были завоеватели типа Кортеса и Писарро, так должны были появиться и экономические конкистадоры, чтобы создать

трестовскую организацию. Огромнейшее число мелких и средних предпринимателей не могло освободиться от исторической узости связывающих их ремесленных и промышленных союзов, настолько сильно им угрожала конкуренция со стороны крупных предприятий; по тем же причинам и рабочие не были способны создавать крупные предприятия путем кооперационного объединения. Не владение капиталом было с самого начала решающим фактором, а сила личности, и очень часто новые руководители поднимались наверх, начиная с малого, или даже выходили из самой среды рабочих. Лидером становился тот, кто обладал достаточно острым взглядом для того, чтобы понять преимущества крупного предприятия, и негибкой силой, открывающей к нему пути. Новые крупные предприятия в своей области оказывались настолько превосходящими старое мелкое хозяйство, насколько, если позволено такое сравнение, крупное государство превосходит мелкое. При выполнении многочисленных предпринимательских задач крупному предприятию была гарантирована победа в конкурентной борьбе. Благодаря возможности прогнозировать взаимосвязи, что отличает экономику от прочих видов человеческой деятельности, можно в точных цифрах выразить факторы, которые приносят успех. Расчет показывает, что в многочисленных случаях производственной деятельности крупное предприятие имеет меньшие издержки производства, вследствие чего оно предлагает более низкую цену, чем у мелких и средних конкурентов, и отбирает у них рынок; оно в состоянии при помощи более высокой оплаты труда перетягивать к себе работников, если оно не может получить их другим путем, и оно в состоянии обеспечить занятость многочисленной дешевой рабочей силой, которую неспособно использовать старое ремесло, поскольку она была недостаточно обучена. С жертвами победы - с вытесняемыми со своих позиций конкурентами и пролетаризированными трудящимися - вначале считались так же мало, как и с жертвами, приносимыми на полях сражений за создание крупных государств. Общественное мнение стало на сторону нового героя, несущего с собой прогресс и реализующего экономически значимые технические изобретения. Он - человек своего времени, от его личности зависит возникновение крупных предприятий, он может сказать о себе: "Крупное предприятие - это я". Он может подавить любое сопротивление своих рабочих, увольняя строптивых, поскольку рынок постоянно предлагает ему новых рабочих, а число лиц, относимых к предпринимателям, и число возникших крупных фирм в первое время еще слишком незначительно, чтобы можно было вести речь об эффективной конкуренции. Как победившему полководцу в первую очередь приписывается успех и при распределении трофеев выделяется львиная доля, точно так же обстоит дело и в отношении победившего экономического руководителя. При этом возможность точного расчета экономических связей также позволяет количественно выразить закон распределения. Приписывание успеха определенному лицу становится специфическим вменением, предназначенным весь вновь созданный избыток руководящему предпринимателю. Однако на этой стадии развития его непривычно большая прибыль не воспринималась как нарушение общественных интересов, а, напротив, расценивалась общественным мнением как справедливая, поскольку подобное руководство приносило пользу обществу, имело общественный смысл. Современное соотношение сил дает капиталу в его денежной форме дополнительные возможности для роста и приобретения власти. Денежный капитал может наивыгоднейшим образом использовать свою необычайную подвижность в условиях стремительных скачков современного развития и огромного расширения рынков. Грюндерские и биржевые спекуляции всегда открывают новые возможности для грандиозной деятельности, которые в случае удачи приносят чрезвычайно высокую прибыль. Как мы показывали ранее, делец и спекулянт также призваны оказывать обществу услуги в качестве руководителей в тех сферах деятельности, в которых массы нуждаются в руководстве; но мы видели также, как грюндерство и биржевые

спекуляции могут превращаться в злоупотребления, а получаемые прибыли - быть результатом обмана и эксплуатации. Спекуляции городскими постройками близки по сути к грюндерству, а спекуляции земельными участками в городах - это те же биржевые спекуляции, в которых сила капитала играет большую роль чем сила руководства. Крупный денежный капитал находит всеобъемлющие возможности использования власти, если ему удастся установить монопольное господство на рынке. Ожидаемые при этом прибыли являются настолько заманчиво высокими, что постоянно повторяются попытки, как бы это ни было тяжело, полностью овладеть расширенными рынками национального и мирового хозяйства. Картели и тресты на высокой ступени развития представляют собой монополюидные образования, которые строят свое господство над рынком на производственном господстве. Ринги и корнеры пытаются действовать только лишь при помощи господства на рынке, в этом они приближаются к старому ростовщичеству, вытесненному сегодня улучшенной организацией кредита на открытом рынке. При этом они наносят больший ущерб, чем ростовщик, поскольку они пытаются извлекать свою прибыль применительно ко всему спросу, тогда как ростовщик ищет свои жертвы среди лиц и профессии с минимальной силой сопротивления. Правда, первые, какими бы обременительными ни были их действия, не угрожают экономическому существованию своих жертв, тогда как ростовщик, если ему предоставлена свобода действий, разоряет их. Все прибыли, которые получает крупный капитал лишь вследствие господства над рынком, без предоставления обществу управленческих услуг, по праву воспринимаются общественным мнением как незаслуженные. Они противоречат общественному смыслу хозяйства, потому что производят сдвиги в распределении доходов и имущества в ущерб обществу в целом и в пользу капиталистических властителей и потому что в дальнейшем, когда разбогатевшие капиталисты выходят на рынок как покупатели, происходят сдвиги в их пользу и в распределении натуральных ценностей. Такие действия весьма обременительны для общества, но они все же не представляют собой высшую току капиталистического господства. Господство в его наиболее полном значении - это господство, которое подавляет, становится характерным для крупного предпринимательского капитала, когда тот настолько усиливается, что в состоянии повернуть исторически завоеванную власть против слабых конкурентов и пролетариата. Именно такое господство становится общественным злом, поскольку распространение крупных предприятий происходит в массовом порядке. В результате в промышленности начинаются массовое расслоение и массовое сосредоточение рабочих пролетариев, а в самом худшем случае - механизация массового труда и длительное физическое и моральное подавление пролетаризированных слоев. В народном же хозяйстве дело идет к той же общественной бессмыслице, каковая была в условиях деспотии, - к народному хозяйству, направленному против народа или по меньшей мере против больших масс народа, которые своим трудом участвуют в этом хозяйстве, но от него же и гибнут.

Во всех сферах, на которые распространяется капиталистическое господство, выбивается почва из-под учения классиков о свободе. Эксплуатируемый вследствие этого господства рабочий более не в состоянии в действительности реализовать свою правовую свободу. Родбертус с полным основанием говорил, что голод для рабочего есть то же самое, что плеть для раба. Только очень сильные индивиды могут легко преодолеть данные обстоятельства и подняться в более свободный слой, но большинство средних и малых индивидов уже не могут разумно использовать свободу, они вынуждены смириться с оценкой их потребностей по низшему разряду и вступать в обмен с позиции слабости, они должны отдавать свои силы, свое здоровье, свое человеческое достоинство, чтобы в данный момент удовлетворить свои простейшие потребности. Любая власть и даже простое личное превосходство

более одаренных или более деятельных людей ограничивают свободу принятия решений для менее одаренных и менее деятельных, потому что каждый использует лучшие обстоятельства прежде всего для себя и оставляет другим на выбор лишь худшие: отношения господства совершенно упраздняют свободу угнетенного, которая превращается в свою противоположность, поскольку эти отношения принуждают угнетенного делать то, что наносит ему вред. Личное господство оказывает такое действие в отдельном случае, общественное же господство класса капиталистов оказывает это действие в массовом масштабе и усиливает его путем давления обычаев на массовые инстинкты. Даже сам капиталистический класс ощущает общественное принуждение к господству, отдельный предприниматель связан примером своих товарищей, он должен идти по проложенной дороге, а не по той, по которой он сам хочет; конкуренция заставляет его, если он желает уцелеть сам, усилить давление на своих рабочих. Это общественное принуждение к господству находит свое высшее выражение в организациях капиталистических предпринимателей. На стороне пролетариата конкуренция усиливается и переходит в сверхконкуренцию. Только когда рабочие организуются, сила их сопротивления возрастает, чувство солидарности призывает их в организации, которые сами осуществляют общественную власть и посредством нее принуждают всех к вступлению в эти организации и к совместным действиям под единым руководством. Возможно, что так начинается преодоление господства слоя предпринимателей, которое, конечно, преодолимо, если оказалось возможным преодолеть даже абсолютистскую власть князей вследствие новых организационных сдвигов. Попытки установления нового правового порядка для крупных предприятий, которые исходили из сдвигов в фактическом порядке, т. е. из сдвигов в состоянии спроса и предложения, без сомнения, заметны, но это движение пока только в процессе становления. До сих пор рабочие организации имеют успех только в высших слоях пролетариата, капиталистическое же господство простирается на обширные пространства предпринимательства, и если его воздействие проявляется не слишком ярко, то лишь благодаря защите государственного законодательства, без которого господство было бы еще больше, нужда еще невыносимей и несвобода еще более угнетающей.

Радикальные защитники существующего порядка не желают видеть недостатки капиталистического господства, для них достаточно установить, что крупное капиталистическое предприятие побеждает благодаря своим преимуществам в производительности, что обеспечивает им спрос на рынке; они думают, что капиталистическая власть, поскольку она возникает из логики хозяйствования, и в дальнейшем будет соответствовать этой логике.

Противники существующего порядка рассматривают его лишь как простой продукт эгоистического интереса властелина. Глубоко задумываясь о происхождении капиталистической власти, они рассматривают ее большей частью как голое насилие, которое приходит извне и не имеет никакой связи с логикой хозяйствования. Более глубокое теоретическое значение имеют те нападки, которые пытаются вывести капиталистическую эксплуатацию из законов меновой ценности. Для мыслителей этого направления меновая ценность в соответствии со своей сущностью содержит неразрешимую антиномию; меновая ценность противостоит смыслу общественного хозяйства, и общество не видит никакого другого пути восстановления смысла хозяйствования, кроме замены общества, основанного на частном-обмене, социальным порядком более высокого уровня.

К этому направлению принадлежит Прудон, который прямо говорит об антиномии меновой ценности. Он исходит из известного наблюдения, что при определенных предпосылках выручка от продажи может повышаться, тогда как доставляемый на рынок запас уменьшается. Мы уже показали в учении о ценности, что из этого факта нельзя сделать вывод об антиномии ценности и что основное внимание в экономике

всегда уделяется полезности. Если продавец уменьшает запас, то он это делает потому, что от предполагаемой более высокой выручки он ждет для себя большей пользы, и потому что именно он имеет власть для реализации своей личной пользы в ущерб спросу. О происхождении его власти, о которой только и идет речь, учение об антиномии меновой ценности не дает никаких разъяснений.

Другим представителем этого направления является Карл Маркс с его теорией прибавочной стоимости [здесь и далее при переводе сохранена привычная нашему читателю традиция употребления в произведениях Маркса немецкого слова "Wert" как "стоимости" (Прим. ред.)]. Эта теория говорит о том, что меновая стоимость находит свою меру в рабочем времени, которое общественно необходимо для изготовления продукта, и что поэтому и зарплата также должна выражать свою меру в рабочем времени, общественно необходимом для изготовления средств существования для товара рабочая сила; далее она говорит, что предпринимателю, который располагает властью заставить рабочих трудиться сверх этого времени, будет доставаться продукт прибавочного труда рабочих. Как мы знаем, этот способ доказательства неубедителен уже потому, что он стоит на почве трудовой теории, которая не должна сохранять свое значение для развитого народного хозяйства, но если бы в остальном она все же была логичной, то и тогда не разъясняется происхождение капиталистической власти, о чем, собственно, и идет речь, ибо именно посредством нее предприниматель получает возможность распоряжаться рабочим временем. Карл Маркс неверно понимал смысл хозяйствования не только потому, что он хотел вывести его из одного только труда, но также и потому, что он не видел взаимосвязи, существующей между смыслом хозяйствования и властью капитала в силу происхождения последней. С большим удовольствием он окутывал таинственным туманом взаимосвязи процесса обмена; определение стоимости представляется ему "общественным процессом, происходящим за спинами производителей". Закон стоимости, по его мнению, осуществляется лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, "действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом", и он цитирует Энгельса, который говорит, что существует естественный закон, "покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 85]. Но естественные законы никогда не управляют экономикой. То, что делается в экономике, делается исходя из ее логики. И даже враги существующего порядка должны знать, что любая власть, которая вырастает в экономике, может вырасти только потому, что она помогает экономике реализовать ее логику, так же как защитник существующего порядка должен знать, что любая власть на высшей ступени развития, если ей не может быть противопоставлено достаточное сопротивление, превращается в общественную бессмыслицу. Способ, которым мы связываем логику и бессмыслицу экономической власти, не содержит в себе какой-либо антиномии. Мы утверждаем, что экономическая власть следует тем же законам, что и политическая и любая другая власть. Общество никогда не управляет своими целями в полной мере, поскольку оно само управляется исторически возникшими властями, которые появились в процессе становления общества. Процесс распада исторически унаследованных властей всегда требует определенного времени, когда новый вождь поведет массы по новому пути. Никто не может утверждать, что такой новый путь нельзя найти в рамках общности, основанной на обмене. Внутри этой общности имеется еще достаточно пространства для новых возможностей развития. Общность, основанная на обмене, не требует с внутренней необходимостью антиобщественной эксплуатации, но в то же время разложение этой общности не освобождает общество от появления отношений господства. В управлении будет нуждаться также и будущее социалистическое государство; вместе с управлением будет возникать и власть, а из власти при

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

определенных обстоятельствах вновь могут развиваться отношения господства, если сила сопротивления масс руководству будет проявляться слишком слабо.

Экономическая библиотека ЭКОНОМИКА 2000 <http://e2000.kyiv.org>